

НИКИТА ЗОЛОТАРЁВ

НАСЛЕДИЕ ЦИКЛА
РАВНОВЕСИЕ

Никита Золотарев

Наследие Цикла. Равновесие

Серия «Наследие Цикла», книга 2

<https://litres.ru/74089193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга серии «Наследие Цикла».

Он потерял всё. Магию, работу, привычный мир. За его голову назначена награда в десять миллионов, и охоту ведёт сам Горат — маг, за одно утро уничтоживший Вестминстер и захвативший власть в Англии.

Арктурус Рэндел никогда не был героем. Он просто хотел работать, растить дочь и жить спокойно. Но у него осталась лишь пустота и... семья, за которую он готов заплатить жизнью.

Лондон залит кровью. Департамент Магии пал. Арктурус остался совсем один. Горат переписывает правила игры, и он только начал.

Но он не знает одного: у весов есть и другая чаша.

Чтобы выжить, Рэнделу придётся заглянуть в прошлое своего врага, понять его настоящее и решить, готов ли он противостоять Тьме. Остановить будущее, которое Горат готовит всему человечеству. И сыграть роль, которую он сам себе не выбирал.

Вопрос лишь в одном: можно ли победить бога, если ты всего лишь человек?

Мрачная, мощная философская драма о выборе, цене и настоящей силе, рождающейся в отчаянии.

Содержание

Книга 2. Пролог. Двойная игра	5
Глава 1. Смерть, газета и чашка кофе	12
Глава 2. Тихая боль	24
Глава 3. Олимп	48
Глава 4. Низвержение	71
Г	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Никита Золотарев

Наследие Цикла.

Равновесие

Книга 2. Пролог. Двойная игра

Рассвет, словно пикинёр, острыми лучами проткнул плотно мрачной ночи, разрезав темноту. Свет начинал побеждать в извечном сражении, прекрасно зная, что к вечеру он будет повержен.

Чтобы утром воссиять снова.

Человек, сидевший на скрипучем стуле, явно нервничал. Он кусал губы и широкими росчерками рисовал каракули на одном из кипельно-белых листов, в изобилии раскиданных по столу. Его глаза бегали по небольшой комнате, в которой царил настоящий беспорядок. Он не мог заставить себя написать что-то осмысленное, хотя сизая голубка уже с полчаса ожидала его письма, сидя на пыльном подоконнике.

Ему нужно было сделать выбор.

Сейчас — или никогда.

То, что он узнал парой часов ранее, низвергло его в липкий, первобытный ужас.

Он полчаса простоял под почти ледяным душем, но это не

помогало избавиться от налипшей на него грязи. Мужчина до крови тёр своё тело мочалкой, но всё равно не мог почувствовать себя чистым.

В последние годы он держался принципа, который впервые услышал от очень близкого человека.

«И нашим, и вашим».

Предавал ли он?

Нет. Сохранял равновесие.

Врал ли он?

Да. Сохранял равновесие.

Устал ли он?

Устал.

Но сохранил. Внёс свою бесценную лепту.

Ровно до того момента, пока не наступила сегодняшняя ночь.

Мужчина вздохнул, перестав беспорядочно тратить чернила, и закрыл глаза.

Справится ли он?

Сколько ещё он будет играть в двойного агента?

Какая из сторон первая вычислит его?

Какая из сторон первая убьёт его?

Он посмотрел на прорывающиеся сквозь лёгкие бежевые шторы солнечные лучи.

Уж скорее Свет, чем Тьма.

Это знак.

Круговорот.

Уроборос.

Запретные для человечества знания, покрытые пылью веков.

Всё всегда было на поверхности. Нужно было лишь посмотреть под другим углом.

Свет и Тьма. Вечная битва, без исхода. Война ради войны. Зачем это всё?

Пора остановиться.

Пора показать этому миру, к чему может привести замалчивание проблемы.

Один не сможет противостоять силе миллиардов. Как ни крути.

А принципы

Глуп тот, кто не посеет зерно сомнений в минуты размышлений. Тот, кто не отступится от железных постулатов, когда они плавятся в пышущей всепожирающим жаром печи.

Тот, кто слепо идёт по узкой тропинке вдоль обрыва, не заметив рядом ровное шоссе.

Мужчина посмотрел на птицу, чьи перья переливались радугой.

Зачем ему голубь? Двадцать первый век только наступил, но телефонная связь прочно вошла в жизнь человечества. Лучше воспользоваться ею.

Быстрее и надёжнее.

Он взглянул на приклеенный к стене жёлтый листочек с цифрами номера, и набрал его.

Пять утра. Несмотря на ранний час, ему должны ответить. На том конце провода обязаны понимать, насколько важной информацией с ними готовы поделиться. За подобное платили миллионы, если бы

— Алло, — ответил мужчине заспанный женский голос.
— Приёмная Первого Прибрежного.

— Доброе утро. — Человек старался быть вежливым, и не выпалить всё разом. — Могу я услышать — Он снова взглянул на листок. — Сьюзен?

В трубке послышалось шуршание.

— Госпожа Трикшот прибудет на работу к шести. А кто её спрашивает?

— Доброжелатель. Берите ручку и бумагу. И информация должна быть передана только ей.

— Позвоните ей лично.

— Но у меня нет номера.

— Поняла. Записываю, — со вздохом согласилась женщина.

Мужчина охнул. Сердце забилося чаще, сбиваясь с ритма, и его снова накрыл приступ одышки, которая начала мучить его в последний год.

Неудивительно.

Он перестал влезать в самые большие мантии, которые у него были, и твёрдо дал себе слово хотя бы месяц не заходить за пончиками в кафе на первом этаже.

— Алло, вы ещё тут?

— Тут. Минутку.

Левое предплечье неистово зазудело, и человек положил трубку на стол, зайдясь в приступе безудержной чесотки.

Это место всегда начинало зудеть, когда он нервничал.

Точно ли он всё делает правильно?

Ту ли чашу весов пытается уравновесить?

«Держи баланс. Изо всех сил. Чтобы нанести решающий удар».

Слова подруги молнией пронзили его начавшее воспаляться сознание.

Он согласился сам с собой.

Всё было правильно.

То, что задумано — произойдёт в любом случае.

Но мир должен знать.

А те, кто знают — заметят, когда можно будет нанести решающий, ответный удар.

Одна ошибка, одна зацепка — и всё закончится.

— Пишите, — справившись с одышкой, сказал мужчина. — В десять часов и пятнадцать минут направьте госпожу Сьюзен Трикшот в район Вестминстерского дворца. Её и только её. Пусть наблюдает издалека Но она должна оказаться на этом месте первой.

— Кто вы? — раздался вопрос, но человек уже отключился.

Он всё сделал правильно, и знал, что телевизионщики придут на это место.

Пути назад уже нет.

И никто не узнает.

Его сердце пропустило удар, переворачиваясь в грудной клетке, будто беспокойный младенец. Приступ одышки лавиной накрыл его, но быстро отступил.

Не нервничать. Успокоиться. Он сделал то, о чём его попросили.

Он посмотрел на голубя. Птица чем-то напомнила ему его давнюю подругу.

Грация. Красота. Сила.

— Сегодня отдохни, ладно? — он почесал ей горло, покрытое переливающимися перьями. Голубка благодарно заворковала. — Если всё пройдёт хорошо Я отправлю тебя в ещё одно место после обеда. Разомнёшься.

Мужчина выдохнул, глядя в окно на распалющийся расцвет.

Он очень надеялся, что её тёзка указала на нужного человека.

Что Сьюзен Трикшот справится с той ношей, которую на неё взвалила Сьюзен Оуэн.

И Визерус МакТирни.

Тем более, что это была его идея.

Маг тяжело, прерывисто вздохнул. Всё-таки, придётся написать несколько писем.

Иначе все, кого он знал, умрут бесславной смертью.

Через десять минут с покрытого пыльными разводами

подоконника сорвалась сизая голубка.

К её лапе было примотано четыре небольших свитка.

Отдых пришлось отложить.

Глава 1. Смерть, газета и чашка кофе

Резко поднявшийся ветер закружил мусор, подняв его с ещё влажного после ночного дождя асфальта. Седой человек в изрядно потёртом, ещё вчера новом чёрном фраке прихрамывал, уклоняясь от налетевших на него бумажек и закрывая ладонью плескавшийся в пластиковом стаканчике горячий кофе.

— Хороша погодка! — крикнул он, зажмуривая свой левый глаз от ласкового утреннего солнца на абсолютно безоблачном небе.

Ведь правого глаза не было вовсе.

Он поправил закрывавшую пустую глазницу повязку и, вытерев рукой капли с пошарпанной деревянной скамейки, с видимым удовольствием сел. Старик чувствовал боль в пояснице, вспоминая, как приложился ею о бревенчатую стену дома в далёкой датской деревне. Ощущал покалывание в колене, которое беспокоило его в последние годы. Голову давило, будто раскалённым обручем, а череп словно разрывало на куски, но на его лице сияла спокойная, почти безмятежная улыбка, расширившаяся после первого глотка американо.

Он с упоением слушал пение ранних птиц и наслаждался

единением с природой, вдыхая запах свежей весенней земли после первого дождя. Утро было поистине волшебным: людей и машин почти не было, лишь ненавязчиво гудевшая неподалёку трансформаторная станция напоминала о том, что недавно наступил двадцать первый век.

Разбитый наручный хронометр показывал пять сорок пять утра. Он всегда вставал в половину шестого, принимал душ, причёсывался — особенно это касалось бороды, ведь та была длиннее волос на голове — и выходил на улицу за свежим номером газеты «Дейли Ньюс», которую ещё в пять часов привозил молодой широкоплечий доставщик в киоск на углу.

Мужчина любил читать обычные газеты. «Вестник Магии» ему никогда не нравился.

Но сегодня он был в гостях, и привычный распорядок дня оказался нарушен. Подняться с кровати пришлось в половину пятого, а затем отправиться бродить по району — и хвала небесам, что неподалёку от дома Арктуруса Рэндела оказался круглосуточный бар, в котором варили ароматный напиток из настоящих бразильских зёрен.

— Нет-нет, мне только кофе, — старик отказался от порции шотландского виски, который бармен плеснул ему за счёт заведения. — И вам не советую употреблять эту дрянь.

— Дед, да не учи меня жить, — беззаботно ответил ему человек за стойкой, поправляя чуть разлохматившийся за ночь ярко-зелёный ирокез. — Я тебе халяву предлагаю.

Хлебни, как в молодости-то!

— Только кофе, — отрезал седовласый мужчина.

Кофе оказался изумительным.

А вот современная молодёжь — нет.

Пришлось слегка почистить бармену память, пока тот колдовал над навороченной кофемашиной.

Ничего страшного, зато больше не вспомнит, что такое алкоголь.

Старик потянулся, и суставы с гулким хрустом встали на место. Он был в розыске, но абсолютно не беспокоился. Что могут сделать эти дилетанты из Департамента магии? Да, он видел парочку агентов, которые ночью рыскали недалеко от участка, с самым идиотским выражением своих лиц. Они были совершенно сбиты с толку, потому что не могли найти нужный им адрес — как и пробиться сквозь барьер, который установил он сам.

Обнаружить их могла лишь глава Департамента, Сьюзен Оуэн.

Но она была осведомлена о планах этого импозантного мужчины в летах и обещала не мешать.

Всё ради Плана.

Всё ради Цикла.

— Наслаждаешься апрельским утром?

Раздавшийся слева свистящий, скрипучий голос заставил Келуса Стронгдора подскочить. Он повернул голову к собеседнику и, узнав его, похлопал по плечу, словно старого дру-

га.

— Есть такое, есть Я ценил ровно каждую секунду, пока ты не пришёл, — съязвил мужчина.

Вокруг не было ни души.

— Я всегда прихожу тогда, когда нужно, старик. Ты помнишь наш уговор?

Внутри у мага всё похолодело.

— Помню. А что с ним? — осторожно полюбопытствовал чародей. — Всё в порядке. Как договаривались. Один раз — и всё.

Собеседник покачал головой.

— Нет. Ты его нарушил.

— Каким образом?

— Подумай.

— И думать не буду, ты чего? Совсем с ума сошёл? — Стронгдор хотел резко встать, но рука с костлявыми пальцами настойчиво схватила его за плечо и посадила на место.

— У меня нет ума, мне не с чего сходить. И будь более уважителен, я сюда не спорить пришёл. — Чем дольше говорил собеседник, тем явственнее замерзал чародей. Кофе резко остыл. — Ты нарушил наш уговор, и у тебя больше нет ни единого шанса. Моё дело лишь уведомить тебя.

— Я понимаю, но хотя бы проясни

— Я сюда не спорить пришёл, Келус, — повторил собеседник. Свист с примесью хрипоты раздавался прямо из-под скрытого чёрным капюшоном лица. — И не прояснять. Про-

сто имей в виду. Чаша весов склонилась не в твою сторону.

Стронгдор поморщился.

Он и так прекрасно понимал, к чему всё идёт.

— Уведомил? Можешь идти, — холодно ответил маг. —

Приму во внимание. У тебя своя игра, у меня — своя.

Собеседник усмехнулся — так, как мог.

— А ты игру, в которую ввязался, вытянешь? Правила здесь пишу я, не забывай.

Чародей хотел было что-то злобно возразить, но его лицо вдруг посветлело, будто он вспомнил что-то очень важное.

— Пиши-пиши, да не испишись. Гусь важный. До встречи на том свете, — Келус помахал рукой Стражу Цикла, словно издеваясь. — Я тебя услышал, спасибо, за сим изволь откланяться.

— Я тебя никогда не забуду, Стронгдор, — прошипела фигура, и латунные песочные часы на поясе звякнули цепью. — Если бы не мои правила, ты бы уже давно гнил в земле

— Но ты не можешь, потому что у тебя связаны руки. — Келус улыбнулся. — Я помню все твои правила, иначе, как думаешь — был бы ты сам связан по рукам и ногам последние лет семьсот? Нет? Вот и я думаю, — веселился старик. — В следующий раз приходи только по нужде, хорошо?

Казалось, из-под капюшона на Стронгдора смотрят настолько испепеляюще, что он бы уже давно умер, если бы видел эти глаза.

— Повод будет, — ответил Страж. — Он доберётся до те-

бы раньше, чем ты думаешь. Только, — он щёлкнул пальцами с неприятным хрустом, — у тебя уже не будет возможности выжить.

— Посмотрим, — всё так же безмятежно ответил Стронгдор. — Не тебе решать.

— Я сделаю всё для этого. Мои правила — мне их и нарушать, — возразил ему холодный голос. — Всё изменилось, старик. И дверь закрывать уже буду я.

В паре кварталов отсюда громко лязгнул железными контейнерами утренний мусоровоз, и чародей оглянулся на неожиданный звук.

Когда Келус повернул голову обратно, Стража Цикла уже не было.

Воздух резко потеплел, а от кофе снова пошёл белый, наполненный терпким запахом пар.

— Иди-иди, — почти не нервничая, прокричал в пустоту маг, — не порти мне моё утро!

Хотя оно и так было испорчено, но Келус не подавал виду.

Старик задумчиво почесал свою длинную, до живота, бороду.

Догадается ли Страж о том, о чём догадался он сам?

О каком нарушении уговора он говорил?

Аксель убил себя сам. Это была случайность.

За усыпление Департамента он заплатил Сполна. А что ещё? Спасение Рэндела? Это Страж уже засчитал.

Да и чёрт с ним. Не первый раз — иначе не протянул бы

столько.

Всё-таки Келус был важен и нужен самой Силе.

И даже Смерть делала ему поблажки.

Пустые угрозы.

Послышалось шуршание колёс по асфальту, и Стронгдор увидел, как из-за поворота выехал молодой парень на велосипеде, везя утренний тираж газет в наплечной сумке.

Может, и не такое уж и плохое утро? Всё-таки, кофе и газета — его личный ритуал.

Ритуал.

Чародея передёрнуло от этого слова, а редкие бесцветные волосы на жилистых руках встали дыбом.

Он всё помнил.

Но хотел бы забыть.

— Юноша! — старый чародей окликнул доставщика газет. — Поделитесь с дедушкой свежим номером!

— Лови, дедуля, — бумажный свёрток, пролетев с десятков метров, шлёпнулся прямо на скамейку, — новости сегодня огонь!

— Спасибо! — крикнул в ответ Келус, раскрывая новый номер «Бигль Эвридей», ярко пахнущий свежей типографской краской.

О да.

Как раз то, что он и ожидал увидеть.

Верхнюю часть первой полосы занимало черно-белое фото, сделанное где-то в Восточной Европе. На полу кирпич-

ной церкви лежали тела, одетые в чёрные балахоны. Лиц было не разглядеть, но это и не требовалось.

Потому что ниже шёл поясняющий текст, кричавший своей вульгарностью.

«21 СМЕРТЬ. КОГО НАШЛИ В МАКЕДОНСКОЙ ЦЕРКВИ?»

Газета едва заметно задрожала в его руках.

Келус понимал, о чём идёт речь, и не хотел переворачивать страницу.

Но хотел узнать подробности.

Сколько манускриптов он не желал читать?

И сколько раз Приходилось?

Знать — быть готовым.

Страница из дешёвой бумаги с хрустом перевернулась, и Стронгдор начал читать заметку от пожелавшего остаться анонимным корреспондента.

«ШОКИРУЮЩЕЕ МАССОВОЕ УБИЙСТВО В МАКЕДОНСКОЙ ЦЕРКВИ НА БЕРЕГУ ОХРИДСКОГО ОЗЕРА.

Полиция обнаружила тела вчера вечером около девяти часов по местному времени. Ровно двадцать один человек — и у всех нашлись странные татуировки в виде Грааля, что даёт правоохранительным органам повод думать о какой-то сектантской деятельности.

— Я не знаю, что это могло бы быть, — поделился с нашей газетой своими соображениями настоятель церкви. — Такого здесь не было никогда. Фанатики? Не знаю. Допустим. Но

зачем осквернять древнейший храм?

Наши контакты в местной полиции сообщили, что опознали как минимум половину тел. Среди них три американских миллиардера, пять видных политиков, приближённых к главам своих государств, и несколько видных руководителей глобальных финансовых организаций.

Все теряются в догадках, по какой причине произошло это жертвоприношение.

Мы будем следить за развитием событий. Новые подробности в завтрашнем утреннем выпуске.»

Стронгдор нервно хлебнул уже порядком остывший кофе. Значит, Горат смог. Сила признала его.

Умный малый.

Почему Келус не почувствовал никаких возмущений в магии?

Почему вообще никто не почувствовал?

Келус вновь кинул взгляд на чёрные буквы.

«Татуировка в виде Грааля». Глупцы.

Мир уже знает о Рональде — пусть и косвенно. Это хорошо. На время успокоит его.

Мир ещё не знает, что Бэрри — кровожадный маньяк, который доберётся до своей цели во что бы то ни стало.

Это плохо.

А ещё хуже, что даже сам чародей не мог понять, силён ли тот, или нет. Судя по тому, что его защиту при их последней встрече пробил Лес Тёмных Стрел — силён. А вот тот факт,

что Рон позволил проникнуть в собственный разум

А силён ли сам старик? Способен ли сейчас противостоять Рональду? Сколько у того последователей? Насколько он готов добиться своей цели? Судя по смерти двадцати одного человека, он был настроен решительно.

Запустить Цикл. В одиночку. Глупец.

Или не такой уж и глупец.

Чародей вспомнил слова Сьюзен Оуэн. Её обеспокоенное лицо проявилось перед ним, а властный голос заполнил его слух.

— Ты душу свою снова разделил, ты это понимаешь?

«Понимаю», подумал Стронгдор.

Чего он не понимал — так это того, к чему это всё может привести. Будущее виделось туманным, словно в молочной дымке.

Главное — что он теперь не один.

Келус прикрыл глаза, наслаждаясь весенним солнцем, начинавшем греть его морщинистое лицо. Вчера он оповестил Хранителей Цикла, сборище пожилых маразматиков, которое сам же и создал, о пробуждении Посоха Душ. Шестерёнки, которых было несоизмеримо меньше, чем в ужасающей машине Департамента Магии и Магических Явлений, со скрипом проворачивались. Если бы он не был в розыске, то посетил бы своих старых друзей — и с удовольствием обсудил бы текущее положение дел. Как ни крути, придётся какое-то время скрываться.

Келус не хотел лишних жертв среди тех, кого отправят на его поиски.

С него хватит.

А Посох Душ

На любое действие есть своё противодействие.

Всему своё время.

План прост. Найти что-то, что позволит нейтрализовать главную силу Рональда Бэрри.

А потом

Он уже знает, что потом.

Он уже побеждал Тёмное Воплощение. Сможет и ещё раз.

А возраст? Ну что с того, сто тебе лет, или семьсот. В случае с Келусом — разница лишь в том, что после дождя начинают ныть колени.

Старый маг открыл глаза и перелистнул газету, допивая божественный напиток. Он всегда дочитывал до конца, стремясь найти хоть что-то любопытное. Новости спорта, очередной политический бред, прогноз погоды, полезные советы для домохозяек, лунный календарь для рассады Ничего интересного.

Одна маленькая заметка привлекла его внимание.

Обрамлённое чёрной линией объявление в правом нижнем углу последней страницы.

«Сребробородый лис. 9 апреля жду тебя в семь утра в месте, где умерло Средиземье — и где ты целых шестьдесят лет бесил не одно молодое поколение».

Лицо Стронгдора озарила широкая улыбка.

Дурак. Неужели не мог просто позвонить? Наверное, опять подключил Кодена, чтобы тот разослал это объявление во все английские газеты.

«В место, где умерло Средиземье».

Чёртов любитель загадок.

Для профессора Аластора Фавро, чьим именем прикрывался Стронгдор за шесть десятилетий преподавания в Университете, это место стало почти родным.

Допив кофе, Келус выбросил его в ближайшую урну.

Покуда спят под защитой нескольких древних заклинаний его новые соратники, он может успеть повидаться со своим давним другом. Почти что братом.

Стронгдор с лёгким хлопком растворился в утренней тишине, оставив после себя лишь небольшое завихрение в воздухе.

У него в запасе был ещё почти час.

Глава 2. Тихая боль

Арктурус, широко зевая, с удовольствием потянулся. Свежий воздух с ароматом прошедшего ночного дождя врывается в открытое окно и бодрит, и мужчина быстро проснулся — солнце уже заливало спальню своим приглушённым светом, пробивавшимся сквозь бледно-зелёные гардины. Сесилия всё ещё безмятежно сопела рядом, рука с браслетом с крупными бусинами из аметиста лежала под щекой, а её светлые волосы разметались по подушке. Лёгкая улыбка говорила о том, что женщина была довольна — её муж наконец-то занял своё место на их супружеском ложе.

Настенные часы показывали ровно шесть утра.

Что ж, обычный понедельник.

За исключением того, что Рэнделу нельзя идти в Департамент Магии и Магических Явлений.

Первый раз за долгие годы он пропускал начало рабочей недели. Ничего страшного, Дариус его прикроет и выполнит нужную работу. Уж что-что, а за переработки платили исправно. Чародей вспомнил про пухлолицего кучера Бонса, который вчера дважды вёз его на повозке в Скиверен — и обратно.

Как хоббита.

«Надо было предложить ему работу в Департаменте. Там уже работали несколько десятков Пустых — в основном, в

отделе Технического Обслуживания и на кухне. Маг дал себе слово, что если снова повстречает извозчика, то обязательно озаботится тем, чтобы помочь ему. Всё-таки, тот был неплохим человеком.

Обычным.

Имеющим право на то, чтобы его жизнь стала лучше.

«Эй, мужик, это самое»

Предложить работу.

Только если он на ней останется, а не загремит снова в Бартандо на долгий десяток лет.

Он осторожно встал, аккуратно убрав руку жены со своего живота. Та, слегка причмокнув, заворочалась.

— Спи, родная, — Арктурус нежно поцеловал её в лоб, — ещё слишком рано.

— Ты не проспал? — полусонно промычала она.

— Нет, всё в порядке. Пойду собираться.

— Завтрак В холодильнике, — зевнула Сесилия.

— Люблю тебя, — улыбнулся маг, выходя из комнаты.

Он всё ещё ничего не рассказал своей женщине.

Лишь то, что Агнессе и Келусу просто нужен ночлег. Она изумилась, но виду не подала.

Волшебная девушка. Идеальная жена. Прекрасный спутник жизни.

Ему так не хотелось портить праздник.

А правда может и подождать.

Арктурус на цыпочках прошёл мимо комнаты своей до-

чери и заглянул в детскую сквозь приоткрытую дверь. Белла спала, закутавшись в розовый пушистый плед с единорогами. Из комнаты вкусно пахло клубничным шампунем, а на столе стоял подарок от родителей — новенький ноутбук.

— Спасибо, мама, папа! — визжала вчера девочка, переполненная счастьем. — Лучший подарок в моей жизни!

— Наш лучший подарок — это ты, — улыбнулся ей в ответ счастливый отец.

Рэндел сам иногда хотел вернуться в детство. Не навсегда, конечно, а лишь в некоторые моменты. А иногда он мечтал о том, что изобретёт машину времени и переместится в прошлое — в самый нужный момент.

Чтобы его мама никогда не встретила папу.

Чтобы он сам никогда не родился.

Зато мама была бы жива и счастлива. Мама. Самый близкий и дорогой для него человек — чьего лица и голоса он теперь не помнил. Спасибо, Билли Кройц. Чтоб ты сдох.

Рэндел взглянул в пустоту, но быстро прогнал начавшие собираться в глазах слёзы.

А папа Он просто такой.

Арктурус давным-давно простил его. Но не мог простить себя.

Он прошел мимо гостиной, в которой спала Агнесса, и прокрался в кухню.

Нужно было что-то делать. Куда-то идти, чтобы не вызывать у Сесилии подозрений. Или всё же сказать? Нет-нет, не

стоит. Атмосфера праздника всё ещё витала в воздухе, и портить её совершенно не хотелось.

А если идти, то куда? Келус поставил вокруг дома защитные заклинания, но и те не могли работать вечно, а выбираться за пределы кокона — себе дороже. Тут же схватят.

Нужно было разбудить Келуса и переговорить с ним. Рэндел медленно поднялся на второй этаж, стараясь не скрипнуть ни единой половицей.

Софа, на которой спал Стронгдор, была пуста — но аккуратно застелена.

Интересно. Старый маг уже встал и куда-то ушёл? Он здесь в первый раз! Он же в розыске!

Ладно. Он знает, что делает. Наверное.

Лучшим решением сейчас будет выпить утреннего чая.

Он спустился — так же осторожно, снова зашёл в кухню и щёлкнул кнопкой включения электрического чайника. Это была одна из последних моделей — со свистком на длинном носике, но при этом работавшая от сети. Правда, техника периодически давала сбой, и рычажок выключателя не отщёлкивался, и приходилось выключать агрегат вручную.

Для беседы остаётся только Агнесса.

— Доброе утро, — пробормотала она, появившись в дверном проёме и протирая глаза. — Тоже на работу вскочил?

— Да, — ответил Арктурус. — На работу, на которую нам никак нельзя идти.

— Ах, чёрт, — осеклась женщина. — Я совсем забыла.

Ну и день. — Она помотала головой.

— Как спалось?

— Отвратительно, — насупилась Биксберри. — Кошмар на кошмаре и кошмаром погоняет. А тебе?

— Прекрасно. Меня не сожрали мертвецы, не арестовали, не допрашивали при слепящем свете. — Рэндел растянул губы в подобии улыбки. — Живой. Ещё и дома.

— Понимаю, — широко зевнула Агнесса.

— Чай будешь? — спросил маг, доставая две белых кружки.

— Зелёный, пожалуйста.

— С жасмином?

— Пожалуй, да. Наш профессор ещё спит?

— Нет, уже встал, — ответил Арктурус, доставая коробку с рассыпным чайным листом. — По крайней мере, софа пуста.

— В доме тоже нет?

— Мы бы встретились, дом-то не большой. Я могу допустить, что он прячется в чулане, но

— А ты зря язвишь, — воскликнула Биксберри. — Объявления о пропаже пожилых людей видел? Которые из дома уходят и не возвращаются.

— Видел. Ты думаешь, дедушка уже совсем того? — Рэндел скосил глаза, и Агнесса захихикала.

— Судя по тому, что он сделал в Департаменте, на этом жеребце ещё скакать и скакать. — Теперь засмеялся уже Рэн-

дел, чуть не просыпав чай мимо заварочного чайника.

— Я думаю, что всё хорошо, и он просто пошёл погулять. Мне его жалко, — признался маг. — Ради нас Глаз потерял. Представляешь, семьсот лет невредимым был, а потом повстречал нас, и

— Мне тоже, Арктурус, но он ведь непростой. Сам посуды, столько лет скрываться, выдерживать свой план, о котором он нам сказал Тебе, кстати, огненная змея не приснилась?

— Нет, я вообще вчерашний день забыть бы хотел. А Келуса я уважаю, и ему даже благодарен. Если бы не он — Рэндел поёжился, представив, что было бы, если б Кройц высосал из его памяти чуть больше.

Чайник громко засвистел, сигнализируя о том, что вода в нём вскипела, но никак не отключался.

Снова барахлит.

Арктурус, не оборачиваясь на него, щёлкнул пальцами, на автомате применяя простейшее заклинание — Дуновение Силы.

Этому учат даже трёхлетних детей. Те приходят в дикий восторг, когда понимают, что бумажные самолётики могут летать намного дольше и дальше.

Свист чайника продолжился.

Ещё движение рукой.

Ничего не происходило.

— Арктурус

Голос Агнессы вернул его в реальность.

— Руками

— Что?

— Выключи руками.

Она сидела за обеденным столом и смотрела на Рэндела с непередаваемой грустью.

— Ты забыл?

Свист стал громким, почти переходящим в ультразвук.

Он вспомнил.

А утро начиналось так хорошо.

— Забыл.

Биксберри щёлкнула пальцами, и чайник затих.

Арктурус ещё вчера мог сделать так же. Но сейчас — нет. Его ладони, всё ещё грубые, покрытые несколькими крупными волдырями, были холодны и не чувствовали тепла Силы.

Он отвернулся к окну, чтобы Агнесса не видела его глаз.

Соберись, тряпка. Сколько можно?

Ну нет у тебя магии и нет. И что? Это делает тебя инвалидом? Нет.

Человек — существо привыкающее.

— Ничего, — сдавленным голосом произнёс он, шмыгнув носом. — Пока поживу так. Всё равно, в ближайшее время у меня не получится поработать на Департамент. — Маг обернулся и посмотрел на Биксберри. — А там уж и профессор поможет. Или этот, кого он там

— Визерус, — подсказала Агнесса. — Ты молодец. Прав-

да. Держишься. Я бы уже руки на себя наложила, — призналась она. — У меня и так за вчерашний день мир перевернулся несколько раз. Но такого я бы не вынесла.

— Давай пить чай, — Арктурус поставил перед ней дымящуюся ароматным паром кружку.

— Пахнет вкусно, — улыбнулась Биксберри. — Чай или кофе?

— Что?

— Что любишь больше, чай или кофе?

— Чай, — улыбнулся маг. — Особенно зелёный и особенно с жасмином. И с молоком.

Рэндел и Агнесса наслаждались горячим напитком и разговаривали вполголоса обо всём подряд, пока чародею не пришла в голову одна мысль.

Она ведь дочь Сьюзен Оуэн. Самой могущественной женщины в магическом мире.

Она должна много знать.

— Скажи мне, Агнесса, — начал Рэндел, — в чём всё-таки отличие Светлых от Тёмных?

Женщина задумалась.

— На мой взгляд — ни в чём, — ответила она. — Просто миру, каким мы его знаем, нужно равновесие.

— Но зачем?

— Не знаю. Для конкуренции, наверное, — пожала плечами Биксберри. — Вспомни Дарвина и его теорию эволюции. Выживает сильнейший.

— Это я всё понимаю, — задумчиво сказал Арктурус. — Ты вот как сторону выбирала? Чем руководствовалась?

— Мнением мамы. Она сказала, что если я Тёмной стану, то могу забыть дорогу в её дом. А ты?

— Ты же читала моё досье?

— Читала. Ты — она осеклась. — Кое-что сделал.

— Отца своего убил. — Рэндел сжал кулаки. — Поверь мне, он заслужил. Я отсидел. Посчитал, что тем самым вкусил Тьмы И пошёл по пути Света.

— Жалеешь?

— Ни капли.

Агнесса спрашивала о выборе стороны.

Арктурус ответил про преступление.

Оба друг друга поняли.

— Думаешь, в самой нашей природе заложено стремление сражаться?

— Я думаю, нам свойственно становиться лучше. Сам наш вид смог выжить только за счёт этого. Вспомни историю, что есть лучший двигатель прогресса?

— Война.

— Ну вот. Мы сражаемся каждый день. С коллегами по работе, с простудой, с холодильником, с желанием прямо сейчас купить вот эту пару туфель. С государством, в конце концов, — улыбнулась Биксберри.

— А знаешь, что я думаю? — Арктурус отхлебнул чай, и на верхней губе остался забавный след от молока, напомина-

ющий усы. — Чай недурный, кстати. — Агнесса кивнула. — Я думаю, что и нет разницы между нами вовсе. Свет, Тьма Такой бред. Зачем вот это? Зачем этот дурацкий Контракт? Я что-то там подписываю, присягу приношу, чтобы Что? — Маг посмотрел на свои грубые ладони, покрытые иссохшими колодцами пустул. — Что я получу взамен?

Биксберри тоже пригубила настой.

— Осознание, что ты на верной стороне.

— Это я и так чувствую. Промытые годами мозги очищаются очень долго, — съязвил Рэндел. — И всё же. В чём эта чёртова разница? Я все пятнадцать лет, что Светлый, думаю над этим.

— Нет ничего хуже, чем осознать, что ты годами жил в обмане, правда? — Она улыбнулась. — Разницы действительно нет. По крайней мере, так мама говорит. Ты не можешь утверждать, что вот этот Тёмный — злой, а вот этот Светлый — добрый. Да, углубляясь в магию, ты можешь найти какие-то различия, но это для Высших. Нам, простым смертным, постичь разницу не дано. Как думаешь, почему сейчас Изначальной Магией владеем только мы, боевые?

— Потому что она опасна, разве не так?

— Так. Доверишь обезьяне гранату?

— Ни в коем разе, — прищурился Арктурус. — А к чему такой вопрос?

— К тому, что если углубиться в архивы нашего с тобой работодателя, то ты увидишь, что магическое сообщество са-

мо себя ограничивает. Притом умело и постепенно. Поверь мне, я читала и видела многое. Сначала Древняя магия, которой владеет наш с тобой дедушка. — Зрачки глаз Агнессы увеличились, словно у кошки, приготовившейся к прыжку. — О ней есть лишь мизерные упоминания в Архивах. Будто бы забыта. Но нет, я уверена, — женщина накрыла своей ладонью лежавшую на столе руку Рэндела, — её специально сделали магией «для избранных». Потом Изначальная — всё ещё сильная, но небезопасная. И её сделали привилегией. Пусть и более доступной.

— И оставили самую базовую магию для всех остальных?

— Именно так. Для бытовых нужд — сойдёт. Для великих свершений — пустышка.

Арктурус слегка дёрнулся, и Биксберри это заметила.

— Извини, я не это имела в виду, — поспешила извиниться чародейка. — Не в твой огород камень.

— Я понимаю, — грустно улыбнулся маг. — То есть, ты считаешь это Нашей намеренной деградацией?

— Вполне себе да.

— И наш профессор мог быть к этому причастен?

— Думаю, что это и была его идея. Или кого-то из его ближайшего круга.

— Ты видела документы на этот счёт?

— Видела. И немало. Под грифом «никогда не раскрывать для общественности». Правда, имя Келуса там не фигурирует.

— Всё это очень похоже на теорию заговора, Агнесса, — с сомнением сказал маг, прихлёбывая чай.

— Хочешь — не верь, — она надула губы. — Они есть. Сам подумай, где твоё владение хотя бы Изначальной Магией?

— Я применял её как-то — неуверенно протянул Рэндел.

— Я знаю, видела в твоём Отпечатке. Сам научился?

— И сам, и не сам, — уклонился от ответа Арктурус.

Биксберри выдохнула.

Она знала, что этот маг не такой простой, каким хочет казаться.

Согласно Директивам Департамента, ей следовало допросить Рэндела. Но не сейчас, когда они были в одной лодке. Быть может, потом.

— А кто тебя научил?

— Один маг Когда я сидел в тюрьме. Может, вспомнишь

— Локус Фрости. Он достаточно ярко сбежал.

— Помню такого, — Агнесса напряглась, выискивая это имя в своём дворце памяти. — Точно было в газетах. Два десятка трупов, кажется.

— Ну вот, — подытожил Арктурус. — Он выглядел таким изнемождённым, таким несчастным, и я делился с ним тюремной едой, мы сидели в соседних камерах. — Взгляд мужчины на секунду стал стеклянным, когда он вспоминал годы своего заключения. — Тёмный маг, поистине тёмный. Чёрный, я бы сказал. А ты говоришь — разницы нет. Свет-

лый таким бы не был.

— Каким «таким»?

— Себя бил — представляешь, до крови, головой да прямо по каменным стенам! Вopil страшно. Резал, чем только мог. Душил себя одеялом. Настоящий сумасшедший. И мне стало его так жаль Вот по-человечески, по-настоящему.

— Ужас, — отреагировала Биксберри. — Будто больной.

— Может, и больной. Но такой же, как я. Тоже человек. Со своим прошлым, со своим будущим. Не мог я иначе, — Рэндел вздохнул. — Разносили всякую овощную гниль — я и ему половину порции отдавал, уж больно худой был. И в благодарность он мне пару заклинаний и показал. Кто же знал, что это Изначальная Магия?

— Ну, ты точно этого знать не мог, — с пониманием улыбнулась Агнесса.

— Не мог. Но всегда мечтал — Арктурус осёкся, вспоминная плакат «Охраняй в рамках закона», который висел в его кабинете. — Мечтал тоже боевым стать. Развиваться. А он — не мечтал, а делал. Он так Силу набирал. Ты вот слышала про Ритуал Жертвы?

— Отдалённо.

— А я не слышал. А он мне его показал. И, скажу тебе честно, — Рэндел посмотрел на Биксберри своими ярко-синими глазами, — это меня в деревне и спасло. Если б не этот сумасшедший, я бы здесь с тобой не сидел. И Келус бы не успел меня спасти.

Агнесса замолчала, обдумывая слова мага и вспоминая то, что она видела в его Отпечатке. Если бы не Сфера Коллапса, он не продержался бы так долго. Биксберри отметила про себя, что Арктурус создал почти совершенное заклинание, и она бы без раздумий приняла бы его в свой отряд. Такой умный и талантливый оперативник ей бы не помешал. Не каждый Высший способен на подобное.

С другой стороны, если бы он туда не поехал

Мама. Зачем же ты подставила этого несчастного мужчину? Что послужило причиной?

Надо будет обязательно разузнать при личной встрече.

И при первой же возможности отправить ей почтового голубя.

— Ты чего? — спохватился Арктурус, увидев резко погрузневшее лицо Агнессы. — Я что-то не так сказал?

— Нет-нет, просто ресница попала, — соврала она, делая вид, что убирает попавший в глаз мусор. — Всё хорошо. А почему ты вообще про него вспомнил?

— Сказать честно, Агнесса, — заговорщически прошептал Арктурус после недолгого молчания, — я думаю, что он тоже может помочь мне вернуть магию.

Она считала его обычным, непримечательным взрослым мужчиной средних лет.

А он, оказывается, хочет рискнуть.

Похвально.

— Я тут подумала, — она одним большим глотком допила

чай, — а ведь в Департаменте хранится его Отпечаток.

— Келус сказал мне, что этого человека долгие годы ищут, и не могут найти. А когда я спросил про Гората — не его ли это след — он ответил категоричным отказом.

— Не такие уж и дураки наши коллеги, — улыбнулась, успокоившись, Биксберри. — Поверь мне, давно бы уже нашли.

— Может, он уже и умер?

— Исключено, Рэндел. С любого зарегистрированного мага тоже снимают Отпечаток, и хранят в базе данных. Даже с уже умершего.

— Но ведь у всех бывают ошибки! Мы же не роботы.

— Даже у роботов они случаются, — Агнесса покосилась на неисправный чайник. — Но только не у наших криминалистов. А, может, он в какой-нибудь далёкой стране? Да в той же Дании? Затаился в небольшой деревеньке и сидит себе там и носа не кажет. — Биксберри ткнула себя в кончик носа указательным пальцем.

— Или внешность изменил.

— Или так.

Арктурус призадумался. Что за таинственный маг сидел с ним в Бартандо, сбежал, а потом словно растворился? Ему светила смертная казнь за массовое убийство при побеге, и Рэндел понимал осторожность, с которой прятался Локус.

Если он жив.

А если даже и нет. Везде ли соблюдаются законы?

На планете есть много мест, где закон не писан никому. Его смерть могли и не зарегистрировать. Как и его приезд.

А как же взятки? За звонкую монету продается почти любой — вопрос лишь в сумме.

На секунду им овладела злость на весь человеческий род. Была ли в том вина Келуса, который на семь веков остановил прогресс?

— А Отпечаток может меняться в течение жизни? — маг задал внезапно засиявший в голове вопрос. — Внешность можно изменить, а вот свой След

Теперь уже призадумалась Агнесса.

— Не слышала о таком. Мне кажется, это невозможно.

— С помощью магии — уверен, что нет. Но, может, есть и другие способы?

— Чего не знаю, Рэндел, того не знаю. Нальёшь ещё чаю? — Она подвинула к нему свою кружку. — Ты на кого-то намекаешь?

— Возможно.

— Я тоже так подумала. Но я доверяю и Стронгдору, — ответила она мягко. — Если он сказал, что это не Бэрри, значит, не он.

Маг вздохнул, допивая свой чай.

— Келус не может, Локуса я этого не найду никогда, — начал перечислять Арктурус, — на Визеруса, если честно, у меня тоже надежды нет. Как мне магию вернуть, Агнесса? — В его голосе слышались яркие нотки отчаяния, пока он

снова разливал кипяток.

Интересный вопрос. Если бы она знала ответ.

— Ты бы сначала раны зализал, — женщина окинула взглядом его торчавшую из-под чёрной футболки повязку. — Болит? — Болит, — чуть скривился Рэндел. — Но зажи-
вёт.

— Тебе бы в больницу.

— Знаю. Но выпавший кусок туловища волнует меня меньше всего. Я магию потерял, понимаешь? Мой чёртов смысл жизни. Магию, что с детства со мной. Это как — Он задумался. — Как будто у тебя умерла собака. Или кошка. Тебе не понять, — отмахнулся маг. — Это тяжело. Я не знаю, что мне делать дальше. Куда идти. Кем становиться. Вот ты сейчас со мной разговариваешь, а я от нашего соседа, садовника Бидли, вообще ничем не отличаюсь. Да и от большинства людей. Грустно мне, — закончил тираду Арктурус. — Хоть бы капля надежды.

Как же ему сейчас плохо.

Агнесса действительно не могла это представить.

Но могла хотя бы утешить.

— Всеу своё время, Рэндел. Вспомни, когда у мамы что-то просил, она тебе сразу покупала? — Чародей помотал головой.

— Я её больше не помню, но, думаю, что нет, — с еле заметным надрывом ответил он.

— Опять я тебя обижаю. Вот веришь — не хотела! — по-

пыталась оправдаться женщина.

— Ничего, — буркнул Арктурус, делая глоток. Чай должен был успокоить его нервы, но пока что этого не делал.

— У меня так и было. Что ни попрошу, то «потом», или «нет денег», или «слишком много хочешь». Я, если что-то и получала, то сильно позже. А вообще, знаешь, была бы я древним магом, восседающим во главе нашего мира, я бы подсказала, куда тебе копать, — усмехнулась Биксберри.

А потом осознала, что она только что сказала.

Их глаза встретились так же, как и их мысли.

Сьюзен Оуэн.

Все линии сходились в одной точке. Вот кто был им нужен.

— Ты хочешь сказать

— Я ничего не хочу сказать, — отрезала Агнесса, почти допивая вторую чашку. Чаинки причудливо плавали на дне её кружки. — Я никогда не разговаривала с матерью об этом. Повода не было.

— Но попробовать стоит. — Биксберри видела, как в пронзительно-голубых глазах Арктуруса зашлись в танце огоньки надежды. — Ты же мне поможешь?

— Я тебе обещаний не даю. Не сильно хорошо её знаю, эту Главу Департамента.

— Но это же твоя мама!

— Ты не знаешь о моём прошлом, маг, — осадила она его. — Как думаешь, почему она скрывала моё происхождение?

— Чтобы защитить?

Агнесса усмехнулась.

— Чтобы себя не подставлять. Разберёмся, — отрезала она. — Поговорим, а там посмотрим.

— Одна зацепка это уже хорошо, — просиял Рэндел.

Женщина улыбнулась ему в ответ.

Утешила.

Умничка.

— И зачем тогда вообще этот Цикл нужен-то, Агнесса? — спросил воодушевлённый Арктурус. Это же чушь для самых маленьких. Добрый доктор Айболит и всё в таком духе.

Биксберри задумалась.

— А я сам отвечу, — Рэндел сделал ещё глоток. — Нам всем нужно для чего-то жить. И без пропаганды никуда. Вспомни одну небезызвестную страну, которая не так давно перестала существовать. — В сознании мага на мгновение возник кроваво-красный флаг. — Тоже идеология. Тоже «всё во имя цели». И где они сейчас?

— Тогда почему эту пропаганду прятали веками? — Женщина прищурилась. Ему нравился живой ум Арктуруса. — Ты и прав, и неправ. Цикл — не что-то, что ты можешь потрогать. Он просто есть, и всё. Как закон тяготения. Его ведь никто не придумывал.

— Да пусть он и будет! Я ж не против. Вот только Бэрри за каким во всё это полез, скажи?

Агнесса замолчала.

Действительно, зачем?

У него, определённо, были на то свои причины.

Страх? Любовь? Мечь? Жажда признания? Обречённость?

Просто так не становятся «игрушкой-растушкой», не жертвуют свою скоротечную жизнь для служения идеалам.

Как только они поймут его мотивы — заложат первый камень в фундамент победы.

Биксберри вдруг подумала о том, что он и сам стал такой игрушкой.

Пустой.

Наливай до краёв.

Она взглянула в свою кружку, приготовившись сделать глоток.

Но застыла от изумления, чуть приоткрыв рот.

— Рэндел

— Что, Агнесса? — Вместо ответа та подвинула ему чашку, и Арктурус увидел то, что заставило её удивиться.

Чайная заварка, безмятежно плавающая на дне, образовала слово.

«ЛАНСДАУН».

— Кажется, мы не планировали гадать на чайниках? — улыбнулась женщина.

— Ах ты ж старый хитрый лис, — пробормотал маг, глядя сначала в чашку, а потом на Биксберри. — Похоже, профессор Келус вызывает нас в Университет Борнмута.

Агнесса схватила его за руку.

Как и тогда, холодную.

— Ты не думаешь, что это как-то Странно?

— Не думаю, — улыбнулся Арктурус. — Мы здесь уже больше двенадцати часов, а нас никто не обнаружил. Потому что Стронгдор окружил нас защитными заклинаниями, верно? — Его собеседница понимающе кивнула. — Кто ещё, если не он, способен применять тут магию?

— Горат? — усомнилась женщина.

— Да ну, — отмахнулся Рэндел. — Он в игры играть не будет, я уверен. Пришлётпнет, и всё. — Маг шлёпнул ладонью по столу, словно увидев там муху. — Это точно Келус.

Ровно через пятнадцать минут во дворе дома на Пайнвуд-Роуд стояли двое.

Почти лысая женщина в оранжевой кепке с логотипом местного футбольного клуба и в крупных солнцезащитных очках, закрывавших половину лица — но даже они не могли спрятать дорожки от слёз. Её мантия была спрятана в неподходящий для неё по цвету розовый рюкзак, на котором располагился рисунок с двадцатью единорогами, а сама она была одета в чёрную ветровку.

А рядом с ней был мужчина средних лет, с пышными, чуть кривыми усами и раздутым синим носом, в потёртой кожаной куртке.

— Прости, прости, — умоляла Агнесса, — я не думала, что ударю так сильно

— Ничего страшного, — прогундосил Арктурус, вытирая всё ещё сочащийся кровью нос. — Не первый раз. Готова?

— Готова, — выдохнула Биксберри.

— Тогда переноси.

— Может, на машине? Тут недалеко.

— Нельзя. Я думаю, как только мы пересечём границы барьеров, установленных Стронгдором, за нами начнётся охота. — Рэндел поправил какой-то предмет, находившийся во внутреннем кармане кожаной куртки. Он нашёл её в закромах своего гардероба, и сейчас был очень похож на солиста какой-нибудь рок-группы. — Поэтому, лучше Переместиться.

— Согласна. Держись.

Мужчина взял её за руку и шумно вдохнул. Апрельское утро было поистине волшебным: тут и там пели птицы, заливая окрестности Бранксом-Парк радостным щебетанием, а прошедший ночью дождь наполнял воздух запахом озона и свежей травы, которая только-только начала пробиваться из-под земли и тянуться к ласковому солнцу.

Да что же там так мешает?

Он сунул руку во внутренний карман кожанки, и пальцы наткнулись на что-то холодное и овальное, на цепочке с крупными звеньями.

Арктурус достал из-за пазухи небольшой футляр бронзового цвета и раскрыл.

Фотография.

С которой на него смотрела похожая, как две капли воды, красивая женщина.

Те же черты лица. Тот же нос. Те же голубые глаза.

Мама?

Это же мама?

Мама.

Он, не в силах сдержаться, поцеловал фотографию, закрыл футляр и, наспех набросив цепочку на шею, зажмурил глаза, готовясь к полёту сквозь пространство.

И улыбнулся сам себе перед тем, как Агнесса унесла его за собой.

Сейчас то, что он нашёл в кармане старой куртки, было для него самым ценным сокровищем.

Когда мир вокруг начал рассыпаться на кусочки, словно в калейдоскопе, Арктурус увидел, как рушатся защитные заклинания, выставленные Келусом.

И как тут же проявляются десятки силуэтов отправленных на их поимку магов, одетых в ярко-лиловые мантии.

И один высокий силуэт в чёрном.

Сесилия.

Белла.

Даже если их будут допрашивать — они ничего не будут знать. Да, он был эту ночь дома, потом встал и Всё. Никаких следов.

Спокойствие.

Выдохнув, Арктурус почувствовал, как его ноги косну-

ЛИСЬ МЯГКОЙ ПОЧВЫ.

Глава 3. Олимп

Шум просыпающегося Лондона долетал до шестого этажа здания на Пэти-Фрэнс, 102, врываясь в кабинет Главы Департамента сквозь приоткрытое окно вместе с непередаваемым запахом мегаполиса, пропитанного бензином и табачным дымом. Шёл восьмой час, и город закипал, словно вода в кастрюле, бурля с каждой минутой всё сильнее. Тут и там сновали офисные клерки, на улицах всюду собирались пробки из дорогих машин, а над головой гудели самолёты, заходящие на посадку в аэропорт Хитроу.

Из самого главного окна в магическом мире стоял и смотрел на раскинувшееся перед ним великолепие мужчина в чёрной, чуть блестящей под лучами солнца мантии. Он не спал целую ночь, но на его осунувшемся лице не было ни следа усталости. Его бездонные глаза, в которых не было видно зрачков, жадно пожирали пространство — так же жадно, как раскалённая лава из извергнувшегося вулкана съедает всё, что попадает к ней на пути.

Шестнадцать лет он шёл к этой цели.

И теперь он на вершине.

На вершине Олимпа.

Зевс во плоти.

Признание само нашло его — но для этого пришлось вытерпеть многое.

Он единственный, кто достоин. Единственный, кого выбрала Сила. Единственный, кто разрушил так тщательно охраняемый кучкой старых маразматиков План.

Мужчина улыбнулся, поправляя чёрные, чуть выющиеся длинные, до плеч, волосы.

Он всех переиграл. Он заслужил стоять здесь, во главе пищевой цепочки всего магического сообщества.

А раз так, то и всего человечества.

Пусть даже и такой ценой, отдав своё сердце. Свою душу. Своего сына.

И бывшую жену.

Мужчина зажмурил глаза, чтобы через мгновение открыть их вновь.

Таков Путь.

Человеческая жизнь не значит ничего. Ноль. Пустота.

Особенно если она нужна для Цели.

А Сюэзен отработала на отлично. Сделала ровно то, что и хотел Горат.

Умница.

Ей воздастся.

— Хозяин, вы Здесь Я поражён — просвистел висевший в нескольких сантиметрах от пола Посох Душ. Его буковая сердцевина, обвитая гнилью, словно дышала, исторгая в пространство молочно-белое сияние, а Вместилище Душ — крупный сапфир ровно посередине — переливался, купаясь в солнечных лучах. — Вы смогли

— У тебя были сомнения? — холодно спросил Горат.

— Были, хозяин. Особенно после того, как вы ослепили меня и не дали поглотить душу госпожи Оуэн Умно.

— Зачем же ты присягнул мне, если сомневался?

Посох, казалось, на секунду задумался.

— Нет в мире больше таких сильных магов, хозяин, — отстраненным голосом сказал артефакт.

— То есть, ты выбрал бы любого другого, кто был бы сильнее меня? — Горат усмехнулся.

— Такова моя природа, заложенная создателем.

— Обрети другой маг силу, подобную моей — и ты переметнёшься к нему?

— Да, хозяин.

— Даже если это будет самый ненавистный для тебя заклинитель? — Из руки Гората вылетел золотистый шарик, и Посох, почувствовав Отпечаток Силы Келуса, резко отпрянул в сторону.

— Да — С усилием сказал магический предмет, чувствуя ненависть — как к Стронгдору, так и к самому себе.

— Дешёвка.

Сияние вокруг Посоха резко потемнело. Если бы у него было лицо, оно бы исказилось в приступе гнева — и подобострастия.

— Хозяин.

— Заткнись, — отрезал чародей. — С этого момента мы действуем лишь в рамках Контракта. — Он сжал в кулак ле-

вую руку, на ладони которой всё ещё алел след от церемонии Заключения Контракта.

— Как скажете, хозяин. — Свистящий шёпот был полон яда, но Горату было всё равно.

Он уже здесь.

Сегодня он сделает то, о чём мечтал все эти годы, ради чего жил, набирался сил и убивал.

Сегодня он поставит на колени целый мир. И не примет ни единой просьбы о пощаде.

Ну и что, что он один? И в одиночку можно свернуть горы. Что он и доказал сам себе — и всем вокруг.

Он вспомнил, как по покровом ночи проник в здание Департамента.

Как прошёл сквозь все барьеры, не почувствовав боли. Ни одно из трёх сотен защитных заклинаний не подействовало, признав в нём Келуса.

Отпечаток Стронгдора. Его панацея, его ключ, его спасательный круг.

Старый дурак не заметил, как Тёмный маг снял его. Или заметил?

Нет. Он был ещё слишком слаб.

И будет таким впредь.

Горат улыбнулся сам себе. Ведь он мог использовать Отпечаток любого из сотрудников Департамента. Например, Сюэзен Оуэн. Или её заместителей.

Система безопасности не распознала бы подвоха.

Но нет. Ему нужен был именно след сребробородого лиса. Как доказательство собственной мощи.

Маг презрительно взглянул на Посох, который забился в угол кабинета и плавно покачивался в воздухе. Чёртова деляшка. Заставила заключить Контракт. И пыталась манипулировать им. Но он не позволил. Не того поля ягода. Любой Контракт можно нарушить. А последствия У него хватит сил с этим разобраться.

Он вспомнил мага, которого при помощи Съюзен отправил в далёкую датскую деревню. Идеальный план. Всё сработало, словно швейцарские часы. Всё шло хорошо — даже слишком хорошо. Горат чувствовал себя гроссмейстером, разыгрывающим идеальную шахматную партию.

Всё-таки он поступил правильно, решив не убивать господина Рэндела.

В какой-то момент он почувствовал благодарность к Стронгдору за то, что тот не позволил этому случиться. Дрянной старикашка. Но сильный. Насколько? Страж уверял, что не настолько, как он сам, пробудивший древнюю Силу и ставший Воплощением. Но доверять нельзя было никому.

Мужчина ощутил гордость за себя. Да, не без помощи Стража, он шестнадцать лет искал подсказки и ключи к замку, что запер на долгие века само Мироздание, заточив его в темницу. И теперь — грандиозный финал.

Наконец-то золотой мальчик оправдал все ожидания.

Единственное, что было плохо — ещё никто об этом не знал.

Мужчина медленно отошёл от окна и сел в расшитое бордовым бархатом викторианское кресло. Он достал из внутреннего кармана мантии свёрнутые в аккуратную трубочку письма. Самое ценное, что у него сейчас есть. Единственный подарок от его дражайшего деда — того, что объявился спустя пару лет после начала Пути. Того, что годами вынашивал свой, не менее продуманный План.

Он еле заметно ухмыльнулся, убирая пожелтевшие от времени листы с письмами в ящик стола и вспоминая беседу с Визерусом.

Пришлось оставить уродливый шрам. Чтобы старик знал своё место. И не мешал.

Горат всегда знал, на что надавить.

В дверь аккуратно постучали, и, не дождавшись ответа, приоткрыли её.

— Мисс Оуэн, доброе утро, вы так рано, я не видела вашу машину! Я принесла вам ко — Секретарша Агата, как всегда взлохмаченная, сделала шаг внутрь кабинета, но, увидев незнакомое лицо, замерла и осеклась. — Ой.

— Ой, — с охмуряющей улыбкой ответил ей Горат. — Доброе утро, леди.

— Д-доброе утро, — Она выглядела растерянной. — А где мисс Оуэн?

— Миссис, — невозмутимо поправил её мужчина. —

Миссис Оуэн. А кто вы?

Агата оценила сидящего на месте Сьюзен человека. Симпатичный, длинноволосый, стильно одет. Похож на какую-то телезвезду.

— Я Агата Дауни, сэр. — Ей нравилось обращаться к мужчинам старше неё «сэр». — Личный помощник мисс миссис Сьюзен.

— А я — Горат, ваш новый Глава Департамента Магии и Магических Явлений.

— Но меня Никого не предупреждали, — возразила Агата, ощутимо потряхивая в своей руке стаканчик с кофе, который вот-вот был готов выплеснуться.

Что ей сейчас делать? Звать охрану? Кнопка висела в приёмной. Попытаться заговорить зубы этому красавцу? Пожалуй, она могла бы раздеться перед ним, чтобы потянуть время, но что потом? Какой-то он слишком самоуверенный. И где, всё-таки, миссис Оуэн?

Спокойствие.

Она в самом охраняемом здании в мире. Вокруг неё — полторы тысячи магов.

Да, вчера случился сбой в системе безопасности. Да, Департамент погрузился в спячку аж до полуночи из-за сбоя в одном из защитных заклинаний, но специалисты уже устранили эту неисправность. И утром на счета всех сотрудников прилетела «премия» в размере двойного оклада за месяц. Всё было в порядке.

Но этот мужчина Он нравился Дауни — и отторгал. Притягивал — и словно говорил «беги».

— Никого предупреждать и не надо.

— Мужчина, — взяла себя в руки Агата, — я вас не знаю. Вы сидите в кабинете Главы, прямо на месте Сьюзен Оуэн, и говорите мне о том, что вы наш новый управленец. — Она набрала побольше воздуха в грудь и тараторила, боясь, что незнакомец перебьёт её. — Когда меняется Глава, премьер-министр присылает официальное письмо с гербовой печатью, и мы за неделю готовимся к церемонии утверждения

Маг оценил её ум, знания директив и желание беспрекословно их исполнять.

— Вы закончили, леди? — Горат сидел, оперевшись локтем на бархатную, зелёную поверхность рабочего стола.

— Да. — Агата машинально отхлебнула предназначавшийся миссис Сьюзен кофе. — Я вызываю охрану.

Всё-таки, ей не очень нравился этот человек.

Вернее сказать, очень не нравился. И глаза у него были — чёрные. Неприятные.

Те самые глаза, которые сейчас буравили её милую мордашку.

Она привыкла к такому взгляду, который ловила от мужчин всех возрастов каждый день.

Но не привыкла к тому, что сидящий в викторианском кресле маг внезапно атакует её. Из воздуха появились мно-

жество мелких, чёрных нитей, похожих на паутину, которые вмиг опутали её, сжав тело в тиски. Девушка ойкнула и разжала ладонь, в которой был стаканчик с кофе. Тот, словно в замедленной съёмке, упал, и горячий напиток выплеснулся на ковёр, отдельными каплями ошпарив оголённые ноги.

— Я тебя не знаю, леди. — Он продолжал улыбаться. — И не знаю, сколько ещё ты протянешь, если будешь так со мной разговаривать. В охране нет никакой нужды. Я не хочу лишаться горстки крепких боевых магов. И, как ни странно, мне сейчас нужна твоя помощь.

— Помощь? — сдавленно прохрипела Агата, пытаюсь удержать равновесие. Неужели никто не видит, что сейчас здесь происходит? Она кинула взгляд в левый верхний угол, в надежде найти мигающий красный огонёк видеокамеры — но его не было. Камера была отключена.

— Именно она. — Нити сдавили горло девушки, и её лицо быстро покраснело, но Горат, казалось, упивался её мучениями. — Я — новый повелитель магического мира. Сьюзен Оуэн Ушла в бессрочный отпуск. Мне нужны сподвижники, леди. Я хочу, чтобы вы стали моей правой рукой.

Агата, сквозь прорезающую ткани боль, сквозь недостаток кислорода заметила какое-то трепыхание в углу кабинета, и сиреневый отблеск резанул её по налившимися слезами глазам.

Она увидела Посох Душ. Великолепный. Притягательный. Смертоносный. Тот, что она видела только на картин-

ках.

А ещё она почувствовала, как что-то в глубине её души зашевелилось, словно просясь наружу. Сопротивляться этому желанию было сложно.

— Я уловил ваш взгляд, леди. И почему-то мне кажется, что вы понимаете, что будет, если вы откажетесь.

— Он меня сожрёт? — прошептала она.

— Сожру, — шипящим шёпотом подтвердил Посох. — Обглодаю душу Да, хозяин?

— Да.

Это было самым страшным «да» в её жизни. Она ощутила холодные щупальца, которыми артефакт ощупывал её сердце. Ей вмиг вспомнилось всё то, что она так стремилась забыть.

Аборт, который она совершила по глупости в пятнадцать лет.

Воровство денег у собственного отца, которые она тратила на брендовые вещи, пока её мама гнила в государственной наркологической клинике, хотя могла бы излечиться быстрее в частной.

Измена, которую она так и не смогла простить.

Невыносимо.

Обжигаяще холодно.

Больно.

Она взглянула на всё ещё стоявшую фотографию Сьюзен Оуэн на столе.

Такую молодую — и такую мудрую. Что такое шестьдесят пять для мага, который проживёт под две сотни лет?

Расцвет.

Агата чувствовала, что предаёт.

Но она не могла иначе.

«Простите», мысленно извинилась она перед своим руководителем.

— Я сделаю всё, что захотите! — завопила она, пытаясь вырваться из опутавшей её чёрной паутины. — Только оставьте его!

— Это клятва верности? Или ты просто боишься меня?
— Холодный, но манящий голос Гората лился в её уши.

— Верности! Верности! Умоляю, только прекратите это!

— Врёшь.

Мужчина дал отмашку, и Посох перестал высасывать её душу. Она почувствовала заполняющее её нутро тепло — по которому она очень сильно соскучилась. словно в горячую ванну после целого ведра снега за шиворот.

— Ты врёшь. Но я дам тебе шанс стать лучше. Просто — Он вышел из-за стола и протянул ей правую руку, всё ещё держа девушку опутанной, — будь со мной.

Пути внезапно исчезли, и Агата, рухнув на колени от бессилия, зарыдала.

Она лишь принесла Сюзен Оуэн традиционный утренний кофе — а её успели сломать и запугать за каких-то пять минут.

Она подняла голову и посмотрела на Гората глазами цвета неба, которое затянули тяжёлые, грозовые тучи, вот-вот готовые разразиться проливным дождём.

И протянула ему свою маленькую, аккуратную ладонь.

— Умница, — Мужчина снова одарил её своей улыбкой.

— Седьмая по Потенциалу?

— Д-да, — всё ещё рыдая, ответила девушка.

— Поэтому лишь в секретарях, а не на вершине. — Горат помог ей подняться.

— Что вы хотите от меня? — вытирая слёзы, спросила Агата.

— Мне нужно, чтобы ты оповестила всех в Департаменте о смене власти. И свяжись с «Вестником Магии», я должен быть на первой полосе. А ещё лучше — занимать всю сегодняшнюю газету. Если они что-то напечатали — пусть уничтожат тираж.

— Вас так и представить, — всхлипнула Агата, — Горат?

— Всё верно. Ещё мне нужно организовать встречу с премьер-министром.

— Телефон забит в быстрый набор под номером четыре.

— Тогда пока что всё.

— Всё? — Девушка вспомнила босса на своей первой работе, который сразу после знакомства и ознакомления с обязанностями потащил её для утех в переговорную. И делал это с крайне высокой периодичностью. — Ради этого вы меня Мучали? — Она с опаской посмотрела на Посох. Если бы у

него был рот и язык, Агата бы сказала, что он облизывается.

— Да. Мне не нужно от тебя ничего, кроме исполнительности и верности. А про эту грязь, — он пристально посмотрел на её гладкий, без единой морщинки лоб, — вообще забудь.

Секретарша с ужасом поняла, что он прочитал её мысли.

— П-поняла, — снова запинаясь, пробормотала она. — Какие-то ещё мероприятия запланировать на сегодняшний день?

Горат задумался.

— У меня очень много планов, леди. Начните с того, о чём я вас попросил. Буду держать вас в курсе. — Он отпустил её руку, и Агата на негнущихся ногах вышла из кабинета, захлопнув за собой дверь.

— Вы умеете убеждать, хозяин — прохрипел Посох. — Будь у меня руки, я бы вам похлопал.

— Я знаю, — в голосе мага снова сквозил холод.

Через пятнадцать минут по громкой связи прозвучало объявление об уходе с поста Сьюзен Оуэн и о назначении на пост главы нового Высшего мага по имени Горат.

Также прозвучало и предложение присягнуть на верность. Для этого каждому магу нужно было ровно в восемь часов утра держать на ладони свой Отпечаток Силы.

— Присягнуть на верность? — пуская сизый дым из своего рта, возмущался вечно взъерошенный Колин МакПирсон, доставлявший отчёты для миссис Оуэн. — Мы что, секта?

— Да уж, ну и утро, — пробасил Ройс, затягиваясь. — Какая-то ерунда творится. И что он там сказал? Я слушал музыку и половину пропустил.

— «Пойдите за мной или умрите», — повторил Намбай. — «Я — спасение вашего мира.» Угрожает. И куда смотрит служба Внешней Безопасности? Кто его вообще назначил? Если опять лейбористы, я за них голосовать больше не пойду.

— «Все вы будете жить лучше, если присягнёте мне». Очередной шизоид, — подтвердил Камбербэтч, закуривая вторую сигарету. — Ничего, с дурой Оуэн справились, и с этим. Рядовые сотрудники живут дольше их руководителей, — хрипло посмеялся он.

— Семь пятьдесят девять, — взглянув на часы, сказал Ройс. — Поверим? У всех места на кладбищах куплены?

— Да ерунда это всё, — буркнул Намбай. — Звоните безопасникам. Кто-нибудь звонил мисс Оуэн?

— Не знаю, я точно нет, — отозвался Ройс.

— Я ещё не видел, чтобы Глава начинал свой путь с угроз. Или это проверка, или

МакПирсон не успел договорить.

Ярко-алая волна прошла пространство, с хрустом ломая кости, выбивая их из суставов, разрывая ткани и заливая всё вокруг густой, алой кровью, которая ритмично выливалась из ран. В воздухе повис запах железа.

Ноги Колина внезапно подкосились, его горло сдавил

предсмертный хрип, а тело грузно повалилось на пол.

Как и тела всех остальных, кто не успел принять присягу.

Численность сотрудников ровно в восемь утра по Гринвичу сократилась на треть.

Здание на Пэти-Фрэнс, 102 окрасилось в красный цвет.

— Я не шучу, — злобно произнёс Горат, сжимая в кулак правую ладонь, горячую от только что выплеснутой Силы. На его лице не было ни следа боли. — Я никогда не шучу.

«Наконец-то, никакой Платы», подумал он, убирая прядь волос с лица и не чувствуя ничего, кроме звенящей в воздухе магии.

Небо над Лондоном заволокли свинцовые тучи, а проливной дождь забарабанил по окнам. Где-то вдалеке ударила молния, и через пару секунд оглушительный гром заставил стёкла в окнах дрожать.

— Как теперь обстоят дела с чашей весов? — с небольшой издёвкой спросил маг.

— Вы На верном пути, Повелитель — просвистел Посох с присущей ему холодностью. — Первый шаг Сделан

— Сделан, — подтвердил Горат. — И я собираюсь дойти до конца.

— Вас Не остановить.

— Я сделаю всё, чтобы к концу этого дня мир трещал по швам.

Чародей подошёл к столу и взял телефонную трубку в виде золотого кубка, зажав клавишу с цифрой четыре. Разда-

лись протяжные гудки.

— Алло, премьер-министр Айлиш? Добрый день, меня зовут Горат, я новый Глава Департамента Магии и Магических Явлений. Да-да, это экстренная мера без вашего согласования. Я понимаю, — он холодно перебил говорившего, — но это уже данность, хотите вы того или нет. Срочно отменяйте все свои дела. Я буду у вас в кабинете через десять минут. — Маг бросил трубку и сделал глубокий вдох.

Ещё чуть-чуть.

Теперь о нём узнают все.

— Добро пожаловать в новую эпоху, — голос Гората разнёсся по сводам внезапно окунувшегося в полную тишину здания.

В углу кабинета, покачиваясь, словно на волнах, висел Посох Душ, который только что закончил свой завтрак.

— Достаточно для ритуала? — спросил мужчина, обращаясь к артефакту.

— Почти Нужно семьсот семьдесят семь Но я проглотил не более полутысячи

Горат кивнул.

У него было откуда взять ещё пару-тройку сотен душ.

Но его нутро не было спокойно. Оно бурлило, словно кипящая лава, оранжевым потоком низвергающаяся по склонам давно спящего вулкана.

Кракатау во плоти.

Пять сотен трупов в одно мгновение.

Такой мощи не было ни у кого.

Он чувствовал себя почти что всесильным.

Но тревога грызла, точила его сердце.

Сердце?

У него нет сердца.

Он оставил его в далёкой пещере в Дании.

Это, почему-то, не мешало боли, которая липким ядом разливалась внутри его грудной клетки.

— Это Точно необходимо? Все эти жизни, Посох. Они ведь были кому-то нужны.

Артефакт завибрировал

— Вы сами сказали, Повелитель В рамках Контракта На-помнить?

В воздухе возник объятый пламенем кусок пергамента.

«ПЕРВОРОДНАЯ МАГИЯ В ОБМЕН НА СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ ДУШ. НАКОРМИТЬ ПОСОХ».

Он напомнил себе свои собственные слова, которые сказал себе в той самой пещере.

Нельзя испытывать сомнения на Пути. Хоть Путь и пройден, но

Горат закрыл глаза и вспомнил вздымающиеся в небо яркие грибы из дыма и саж.

А за дверью стояла, держа в дрожащих руках свежий номер «Вестника Магии» секретарша Агата Дауни, тяжело дыша и благодаря саму себя за то, что осталась в живых.

Она только что почувствовала, как уровень её Потенциа-

ла повысился. Скорее всего, до Второго. Её трясло и тошнило — это была чуждая, противная ей Сила, непривычная и почему-то холодная. Но избавиться от неё уже не было никакой возможности.

— Входите, Агата, иначе я буду считать, что вы подслушиваете. — Голос Гората был холоден.

Девушка на негнущихся ногах второй раз за день вступила в кабинет, подошла к мужчине и положила перед ним газету.

— Ты и правда исполнительная особа, — с удовлетворением сказал мужчина. — Скажи мне вот какую вещь, Агата. Ты боишься меня?

— Боюсь, — честно ответила она, стремясь унять дрожь. — Вы только что одним махом убили несколько сотен человек, как я могу вас не бояться?

— Верно, — улыбнулся ей чародей, сворачивая в трубочку свежий номер «Вестника». — И всё же, ты сейчас почувствовала изменение своего Потенциала?

— Почувствовала.

— И как ощущения?

Она вгляделась в его пустые чёрные глаза.

Если идти — то до конца. Что ей терять? Её жизнь и так была похожа на старую, рваную тряпку. Сколько ни штопай, нормальный вид ей уже не придать.

— Противно, — честно ответила она.

— Как любопытно. Это был мой подарок для вас, леди. Я вознаграждаю верных мне людей.

— Спасибо, — Агата не знала, как реагировать. Она очень хотела, чтобы у неё в руках очутился либо огромный острый топор, либо миниатюрная машина времени. — Ни один мужчина ещё не делал мне таких подарков.

— Дальше — больше, если ваша верность будет непоколебимой, госпожа Дауни. Сейчас я отбываю в Верхнюю палату Парламента. Оставляю вас за главную. Через час я ожидаю в своём кабинете глав всех отделов. Подумать только, — мечтательно протянул Горат, — ещё вчера мне было нечем управлять, а уже сегодня

— Вы сделаете с ними То же самое?

— Нет-нет, — засмеялся маг, и смех этот был очень неуклюжим, неестественным. — Они нужны мне для другого. Вашу задачу я озвучил.

— Я свободна? — едва слышно спросила Агата, подавляя жгучее желание выброситься с окна. Она отметила про себя, насколько спокойным был этот Горат. После убийства пяти-сот человек. А то и больше.

— Вы — навеки моя, — загадочно протянул чародей. — Есть ещё кое-что.

— Слушаю?

Маг помедлил перед ответом.

— Во-первых, я назначаю Билла Кройца главой боевого отряда «Алеф».

Агата согласно кивнула.

— Во-вторых Сейчас в розыске у Департамента находятся

трое беглецов. Келус Стронгдор, Агнесса Биксберри и Арктурус Рэндел. Я хочу, чтобы все они были схвачены живыми и доставлены ко мне до заката сегодняшнего дня. Передайте эти слова руководителям боевиков. Тем, решил остаться в живых, само собой.

Агата кивнула снова.

Сьюзен никогда не поручала ей столь важных дел. Девушка считала, что получает свою зарплату только за то, что трижды в день приносит кофе в этот кабинет.

А Дауни чувствовала, что эти люди крайне важны для Гората, иначе тот не стал бы упоминать их имён.

Её жизнь переменялась ровно за одно утро. Ещё вчера — одна из тысяч.

Сегодня — правая рука неизвестного, но очень сильного мага.

Главы Департамента.

Оплакивать ушедших она будет потом.

— И в-третьих. — Он протянул ей какую-то круглую, золотистого цвета сферу, окружённую сплетением тонких нитей. — Передайте им это. По копии на каждого, в первую очередь — отряду «Тау». Они поймут, что это такое. — Маг закрыл глаза, словно сосредотачиваясь. — И пусть проверят Университет Борнмута. Что-то подсказывает мне, что их можно будет найти именно там. — Горат улыбнулся девушке, и та поняла, что тает от этой улыбки, но сдержалась. — Можете идти.

Агата вышла из кабинета Главы Департамента и плотно прикрыла дверь.

В её левом кармане лежало второпях написанное на клочке бумаги письмо. То самое, за которое Горат убил бы её прямо там. У неё было ровно пять минут, чтобы добраться до голубятни.

А в правом — отпечаток Силы Келуса Стронгдора, который передал ей Горат.

Она всё ещё не понимала, что ей делать, но решила действовать в точности так же, как её бывшая начальница.

И нашим, и вашим.

Она ещё понимала, что совершает ошибку, которая будет стоить ей жизни.

И не только ей.

— Ты точно поняла свою задачу? — Визерус с сомнением посмотрел на свою собеседницу, сидевшую напротив. Утро в кофейне было пропитано сладким ароматом свежих, только что снятых с огня блинчиков. Персонал не стал раздвигать жалюзи, поэтому помещение оставалось погружённым в полумрак.

— Конечно, поняла. — Та надула губы.

— Дело не из лёгких.

— Понимаю. Но я буду делать то, что умею лучше всего.

— Играть наивную дурочку?

— Да. Куда бы он ни пошёл, я всегда буду знать, где он.

— Женщина, чей силуэт был скрыт в полумраке, едва уловимо посмотрела на свою правую руку, отпивая кофе из белоснежной кружки. — Что бы ни делал.

— Следи за ним. Неустанно. Только так мы сможем — МакТирни осёкся, подождав, пока мимо проплывёт преклонного возраста бабушка в клетчатом платке, неся в руке полную тарелку политых черничным джемом панкейков. — Сможем перевернуть всё в свою пользу. Не допусти ошибку. Это может разрушить наши планы.

— А обязательно Вот так?

— Как?

— Ты поступаешь с ним Как со скотом.

— Иначе нельзя, и ты это знаешь.

— Это будет для него сильным ударом.

— Обязательно, — кивнул ректор. — На то и расчёт. Вмешайся только тогда, когда считаешь нужным. Нанеси удар. Точный и быстрый. А момент настанет скоро.

— Я уже знаю, что и где произойдёт, не волнуйся. — Женщина улыбнулась. — Кто ещё в курсе?

— Только ты. Что бы со мной ни случилось, — МакТирни сверлил взглядом её красивые глаза, — доведи дело до конца. Не дай ему совершить ошибок.

— Не дам, Визерус. Будь уверен.

— Я в тебе не сомневаюсь. Я сомневаюсь в нём. И ещё кое-что.

— Что?

Чародей подумал перед тем, как ответить.

— Я надеюсь, ты не привяжешься к нему слишком сильно.

— Не думай обо мне настолько плохо.

— Когда настанет момент, ты ему всё расскажешь. Хочешь — соври. Хочешь — скажи правду. Но он должен всё знать. Чтобы план был исполнен. Мы обязаны

Собеседница ректора отвернулась посмотреть на проезжавшее мимо такси.

Когда она открыла рот, чтобы что-то ему сказать, старого мага уже не было.

Зато на столе лежало десять золотых монет.

Женщина улыбнулась.

Она, сама того не понимая, заключила с ним Нерушимый Контракт.

Глава 4. Низвержение

— Все здесь. — Чернобородый маг, одетый в небесно-голубую мантию с вышитыми на ней золотистыми кругами, обвёл всех присутствующих взглядом своих карих глаз, спрятанных за элегантными очками в тонкой оправе, и закашлялся. Замшелые стены подвала Университета Борнмута, освещённые тусклыми факелами на каменных колоннах, наполняли спёртый воздух сыростью. Потолок, уходящий ввысь на добрые метров пять, скрывался во мгле; оттуда изредка капала вода, мелкими каплями, словно только-только начинающийся дождь. — Собрание Хранителей Цикла объявляю открытым. Прошу всех присутствующих, — он сотворил из ниоткуда планшет с пожелтевшей от времени бумагой и перо, — поставить подписи напротив своих фамилий. Как и всегда.

Стронгдор вдохнул аромат свежей травы, ворвавшийся с лёгким ветром через небольшую решётку с продольными прутьями под самым потолком.

— Откуда шрам, Визерус? — с лёгкой улыбкой спросил Келус, расписываясь своей фирменной закорючкой в протоколе. — Опять пострадал от магических экспериментов?

— Не язви ему, — шикнул сидящий рядом Коден, путавшийся в полах бордовой, словно томатный сок, мантии. — Он на взводе ещё со вчерашнего вечера.

— Всё сказал? — холодно ответил МакТирни, всё ещё чувствуя, как горит его правая щека. — Может, и тебе есть, что мне рассказать?

— О-о-о, — мечтательно протянул Стронгдор, поправив повязку на правом глазу и передав бланк Астору. Его живот за последний год увеличился, как минимум, раза в три. — Есть.

— Когда будет твоя очередь, тогда и выскажешься, — отрезал Визерус. — Прошу всех отчитаться о проделанной работе, прошло не менее двенадцати часов. Доллен?

— Я здесь, — поставив подпись, поднял свои зелёные глаза маг. — Ровно в полночь по Гринвичу я собрал всех глав университетов. Оповестил их о том, что случилось. Поставил в известность о том, что такое Цикл, и почему его сохранность так важна. Рассказал про поехавшего разумом Рональда Бэрри.

— Результат?

— Обещали обеспечить полную защиту своих студентов. И оказывать содействие по любым вопросам.

— Кто-то из них усомнился?

— Нет, таких не припомню, — ответил Доллен Д'Аруа. — Они готовы выделить лучших учеников, если что-то пойдёт не так.

— Отлично. Коден?

— Во все газеты Пустых разосланы данные о происшествии в Македонии. Пока без имён.

— Почему? — спросил Стронгдор. — Раскрыли бы сразу.

— Нельзя, Келус, — ответил Коден Бирби, занимавший пост министра по контролю за средствами массовой информации, — мы либо посеём излишнюю панику, либо наткнёмся на отрицание проблемы — что ещё хуже. Будем готовить общество к тому, что его ждёт, постепенно. Завтра новый тираж.

— Принято, — отозвался Визерус. — А ты, Астор?

— А я встретился с премьер-министром, он созывает совбез ООН через полтора часа. Пока что в наблюдательной позиции. Если честно, мне показалось, что Пустые Не совсем понимают масштаб проблемы.

— Ты им тоже про Цикл рассказал? — с насмешкой спросил Стронгдор.

— Я, конечно, старый идиот, но не настолько, Келус, — улыбнулся Астор Миррен. — Просто сказал им, что конфликты на Ближнем Востоке покажутся им детской забавой, если они не подсуеются.

— Спасибо, господа. Теперь — ждём рассказ от мистера Всезнайки, — подытожил Визерус МакТирни.

— А где Сюзен? Ты послал ей голубя?

— Послал. Ещё вчера вечером.

— Снова занята? Она божилась, что следующее собрание точно не пропустит.

— Ты виделся с ней? — карие глаза ректора Университета встретились с изумрудным глазом Стронгдора.

— Не далее, чем вчера.

Келус пустился в пространственные объяснения всех событий прошедшего дня.

При упоминании смерти Греммуса и Барбары, старики дружно заплакали; Астор даже приобнял сребробородого мага, зарыдав у него на плече и намочив пиджак.

— Вот так прошло моё восьмое апреля, друзья, — закончил он свой рассказ. — Я лишился всего — артефакта, что создал сам, бывшего ученика, в которого вложил всё, что знал, и глаза, который никогда меня не подводил. Но обрёл новых товарищей.

— Ты сказал, что влил свою кровь в мистера

— Арктуруса Рэндела.

— Да, в него, — уточнил Визерус. — Ты понимаешь, чем это чревато?

— Понимаю, Сюэзен говорила мне то же самое. Но я не мог его не спасти.

— Ты совершил глупость, — прошипел МакТирни.

— Я спасал жизнь.

— И это говорит человек, выкосивший человеческой род наполовину, словно луговую траву, — съязвил ректор.

— Напомнить, кто спас тебя Брат? — уточнил Келус, подмигнув левым глазом. — Я уже давно искупаю свою вину. И не тебе меня винить, — добавил он. — Ты ведь рассказал им про того, который оставил тебе это шрам?

Визерус нервно сглотнул, но быстро взял себя в руки.

— Я рассказал им, — прошептал МакТирни чуть громче трещащих пламенем факелов, — всё, что требуется. Как меня посетил этот проклятый Бэрри И оставил мне это. — Он указал на рваную рану. — Но откуда ты узнал?

Стронгдор лишь вымученно улыбнулся.

Если Визерус хочет поиграть в святого — что ж, флаг ему в руки.

Но он что-то скрывает.

— Я вижу след от магии, которую применил твой внук.

На лице троицы в бордовых мантиях застыло изумление, а Астор даже громко икнул от волнения.

— Внука? — Доллен выронил планшет с листом, на котором расписался усечённый состав Хранителей Цикла. — Ты хочешь сказать, Стронгдор

— Рональд Бэрри — внук нашего уважаемого руководителя Университета. Неужели он не говорил?

— Нет, — Астор помотал головой. — Ты врал нам, Визи

— Врал! — огрызнулся МакТирни. — И что с того? Откуда ты узнал, чёртвов лис? Я планировал сам сказать это!

Келус сверлил Визеруса взглядом.

— О чём ещё ты соврал мне? Что ещё ты не рассказал всем нам? — Голос старого мага чуть дрожал, как и пламя освещавшего его факела. — Что забрал у тебя Рон, когда приходил?

МакТирни задрожал так, словно очень сильно замёрз. Он хотел обсудить это с Келусом — но лично, не при всех.

Чёрт.

Не сейчас.

Врать снова?

Он взгляделся в Стронгдора — и ощутил, как тот пылает Силой.

Он вернулся. И нет никакого смысла говорить неправду.

И есть смысл попытаться.

И успокоиться.

— Ты помнишь? «Птицы Средней Азии»?

— Помню.

— Он Забрал записи.

— Те самые?

— Да.

— И ты добровольно их отдал?

— Нет, ты же видишь, — Визерус снова указал на шрам.

— ВРЁШЬ.

Он уловил. Он заметил.

Кажется, Стронгдор был настроен решительно.

— Не вру, брат. — Голос МакТирни выровнялся, но внутри бушевала буря.

— Поклянись кровью своей матери, — отрешённо сказал Келус. — Или расскажи правду.

— Я не буду клясться! — слишком рано ответил ректор.

— Тогда я буду считать, что ты лжёшь. — В глазу Стронгдора сверкали молнии.

Бежать? Куда?

Врать? О чём?

Правду? Нет-нет, не время.

Визерус не рассчитывал, что его брат снова обрёл Силу.

Хотя после описанных им событий — стоило бы это учесть.

— Визи, скажи нам. — Коден смотрел на него в упор. — Если Келус считает, что ты врёшь

— Скажи правду, Виз, — Астор с трудом приподнялся с деревянной скамьи, придерживая скрытый под бордовой мантией живот.

— Чего ты боишься, профессор? — вторил остальным Доллен. — Мы доверяли тебе.

Сейчас самое главное — выиграть время.

Потом как-нибудь объяснит.

Он не предатель.

Но и всей правды они знать не должны.

— Пошли вы все, — отмахнулся от Хранителей ректор, отводя взгляд, — к чёрту. Особенно ты, — он презрительно взглянул на Келуса, — грёбанный Архитектор.

Он очень быстро вскинул вперёд правую руку, выпуская из неё голубоватый поток Силы.

Сковать.

Обездвижить.

Обезвредить.

И сразу — попытка Переместиться.

Но Стронгдор был на долю секунды быстрее.

Как только Визерус начал движение рукой, Келус уже атаковал чернобородого чародея. Тот почти успел раствориться в пространстве, но Сила одноглазого мага настигла МакТирни раньше, создав едва видимый пузырь вокруг него.

— Какого чёрта? — зарычал ректор, пытаясь вырваться. Его голос звучал приглушённо. — Опять твои проделки, лис?

— Куда собрался, братец? — спокойно спросил Келус. — Не хочешь, чтобы мы знали правду?

— Пошли вы, — повторил Визерус. — Я ни слова не скажу!

— Да ладно? — вмешался всегда спокойный Коден Бирби. — Скажешь!

Министр по связям с общественностью выглядел разъярённым. Его лицо исказила гримаса ненависти.

— Визи, старый ты хрен, не зли меня! — плюясь слюной, прокричал он. — Довольно! — на кончиках его пальцев возник небольшой смерч размером с котёнка. — Или ты говоришь, или

— Или что, Коден? Убьёшь меня?

— Похуже. Я тебя замучаю.

Вихрь, резко увеличившись, сорвался с ладони Бирби, взметнув в воздух тело Визеруса и перевернув его вверх ногами. С него слетели очки и, упав на каменный пол, с хрустом разбились.

— Не ожидал от тебя, — проорал Келус сквозь шум, с

уважением глядя на Кодена. — Теперь я вижу того, кого прозвали Львом Будапешта!

— Спасибо, — чуть смущаясь, ответил тот. — А вы чего стоите? Помогайте разговорить этого!

— Я Уже немолод, — с одышкой прокричал Астор, пытаюсь сотворить что-то промеж ладоней, но оттуда шёл только чёрный дым. — Вы вдвоём справитесь!

— Доллен, а ты?

— Я уже помогаю! — громко ответил Д'Аруа. — Присмотриись!

Стронгдор взгляделся и увидел у правого виска Визеруса маленький розоватый шарик.

— Умно, старик, — восхитился Коден. — Правдоруба запустил!

— Мне будто нож в печень вонзили, — скривился Доллен. — Словно мне снова восемнадцать и я на лютой попойке.

— Да пронзил бы ты ему ногу к чертям собачьим!

— Не поможет, Кел. Я сколько раз пытался с ним по-хорошему.

— Ну что, как в старые добрые? Вместе? — Три мага кивнули. — Миррен, присоединяйся! Раз, два, три!

— Стойте!

Крик МакТирни утонул в рёве урагана. Его закружило с дикой скоростью, и ректор почувствовал, как из него готова сбежать недавняя яичница с беконом. Ветер кусал, щипал его сквозь мантию, а дышать становилось больно. Он попы-

тался сбросить оковы Силы, но не мог — четыре мага были сильнее его одного.

Хранители замаскировали в вихре что-то, что не давало ректору применять магию.

— Никогда бы не подумал, — крикнул Келус в ухо Коде-ну, — что так будет!

— Я тоже, но иногда можно и пошалить, как раньше!

— Доллен, ускорь Правдоруба! — Скомандовал Стронгдор. — Сейчас он нам всё расскажет!

— Ещё минута! Я концентрирую Силу!

Старый маг смотрел на своего соратника, кружащегося в вихре.

В какой-то момент что-то пошло не так.

Предательство?

Снова?

Он не мог поверить, что Визерус был на стороне Рональда. Да, это был его внук.

Но этот внук нарушал их общий План.

Почему не остановил?

Почему не пожертвовал собой?

Почему поделился информацией?

— Что ты показал ему, МакТирни? — гремел Келус. Ветер шумел в его ушах, раздувая длинную бороду. — Отвечай!

— Останови! — Голос Визеруса прорезался сквозь свист воздуха. — Стой!

— ГОВОРИ!

— Я не могу!

Ему показалось?

Или ректор прокричал это навзрыд?

— Мне больно! — Вопил МакТирни. — Останови вихрь!

— Сначала правду, Виз! Правду!

Чёртов старик.

Всегда добивался своего.

Что ж, правду так правду.

— Он забрал наши записи!

— Это я уже слышал. Что ещё?

— И Вместилище Душ, которое я хранил у себя!

Стронгдор поправил повязку, закрывавшую пустую глазницу.

Второй сапфир?

Но Келус создавал только один!

Он втайне сотворил ещё?

Как?

Маг смутно помнил, что там было, в этих записях. Чёрт с ними.

Но осколок Артефакта

Второй.

У Рональда Бэрри в руках.

— Зачем? Зачем ты создал ещё одно Вместилище? — наливавшийся яростью голос Келуса прорывался сквозь бушующий ветер.

— Потому что это было нужно мне! — Потоки срывали с уголков глаз Визеруса крупные слёзы и уносили куда-то вдаль, растворяя в потоке воздуха. — Ты не знаешь, скольких я потерял по своей вине!

«Как и я», подумал Стронгдор.

— Ты мог бы сказать мне об этом! Ты хоть понимаешь, что натворил? — седовласый маг всё ещё не понимал, зачем МакТирни украл часть Вместилища Душ.

Визерус замолчал, кружась и жадно вдыхая пыль, поднятую ураганом.

— Обещай мне, что ты не повторишь того, что было семьсот лет назад, мой друг! — громко кричал чернобородый чародей в небесно-голубой мантии.

Келус задумался.

Что такого за его спиной все эти годы творил ректор Университета?

Что ещё он скрывает?

Ему невольно вспомнился их казавшийся последним разговор в победной битве Великой Войны.

Когда тот умирал.

Теперь никаких поблажек ни одному из Хранителей Цикла. Теперь придётся узнавать самые тёмные тайны всех членов ордена.

Он украдкой посмотрел на лица стариков в бордовых мантиях.

Может, кто-то ещё помогает Горату?

Может, кто-то его и наставил, снабдил знаниями?

— Что я получу взамен?

— Не ради меня! Ради них! Ради всех нас! Умоляю, не повторяй того, что ты сотворил семь столетий назад!

Жажда правды была сильнее жажды слепой мести.

Сначала узнать. Наказывать — потом.

Если потребуется.

— Обещаю, — сухо ответил Келус, сжав кулак. Ураган внезапно прекратился, и висевший в воздухе Визерус с глухим шлепком упал на землю, закричав от боли. — Слушаю тебя, но предупреждаю — Глаз чародея недобро блеснул. — Я не посмотрю на то, что ты мой брат по крови.

МакТирни, приподнявшись с земли, вытянулся. Небесно-голубая мантия превратилась в грязно-серую, а розовый шарик, удерживаемый Долленом, прошил голову чернородого чародея насквозь. Д'Аруа скривился в приступе боли, настигшей его поясницу, но всё же выстоял, чуть согнув колени.

— Чёртова Плата, — прокричал он. — Когда-нибудь мы придумаем магию без боли.

Что-то зашевелилось в голове ректора.

Придётся сказать правду.

Или попытаться сбежать, пока старый лис окован муками совести?

Нет. Правдоруб был сильнее. И Визерус знал, что будет, если соврать.

К таким ощущениям он не готов.

Сердце, которое было постарше, чем у Келуса, не выдержит.

Правду так правду.

— Да, я украл у тебя осколок Вместилища, когда ты только создавал Посох. Помнишь? Ты всё пытался сделать его правильной формы, но чем больше душ ты запирали в эту темницу, тем больше трескался камень! Ты просил меня уничтожить осколки

— Приказывал.

— Просил, — чуть задышавшись поправил Визерус, приподнимаясь с земли. — А однажды, когда я уничтожал всю эту сапфировую пыль, один из осколков Заговорил со мной.

Келус поморщился.

— Тогда ещё в нём не было ни одной души, он был лишь пустым сосудом! Первая душа, что я попытался запечатать, растворилась в вечности!

— Я говорю правду! — сорвался на крик МакТирни. — Он действительно заговорил со мной. И я подумал, что смогу сохранить его часть До лучших времён.

Стронгдор холодно улыбнулся.

Очевидно, его старый друг обманывал его.

И вёл какую-то двойную игру.

Хотя они все поклялись перед Силой

— И что же он сказал?

— «Здравствуй, Создатель».

— Что? — слушавший их перепалку Коден решил вмешаться. — У Посоха Душ есть лишь один создатель, и это Келус!

Визерус тяжело вздохнул и встал. Без очков он смутно видел лица Хранителей, но знал, что те злы на него.

Говорить или не говорить?

Сила внутри приказывала ему открыть рот и вывалить всё, что он успел узнать.

МакТирни собрался с силами.

Если он хочет выжить — надо поделиться с Хранителями тем, что он смог вывести.

Выдох.

Время пришло.

Розовый шарик назойливо стучал внутри черепной коробки, не давая мыслям спутываться в клубок.

— Кел, пойми, ты создал не просто артефакт, вмещающий души тех, кого уже нет в живых. Ты создал грёбаного монстра.

— О чём ты говоришь? — Стронгдор так и не разжал кулак. — Я лишь преуспел в алхимии. Посох — лишь временное пристанище для заблудших душ.

— Не заблудших, а насильно туда помещённых, — поправил его Визерус.

— Даже если так. Что с того?

— Ты обманул Смерть. Не единожды. Она тебе этого не простит.

— Ай, — Келус махнул рукой, — мы сегодня уже виделись.

— И что она сказала? — настороженно спросил МакТирни, усаживаясь на старую дубовую бочку, в которой что-то плескалось.

— Ерунду, как и всегда. «Он доберётся до тебя раньше, чем ты думаешь».

— Ты в опасности, старый идиот. Ты отбираешь у Смерти души и считаешь, что тебе всё сойдёт с рук? Как бы не так, — вздохнул ректор. — Она очень зла на тебя. Она стала союзником Рональда — и не смотрите на то, что он мой внук, — Визерус обвёл взглядом всех присутствующих, — естественно, я поддался ему, чтобы кое-что вызнать. Но знай, Кел, когда у мага в союзниках сама Смерть

— Я предпочитаю называть её Стражем Цикла, — ответил Стронгдор. — Что он сказал тебе, Виз?

МакТирни всмотрелся в блестящий изумрудами глаз старого чародея.

— Ты хоть понимаешь, как меня сейчас разрывает на части? Я собираюсь пойти против собственного внука.

— Понимаю. Не допусти моих ошибок. Пожертвуй одним ради миллиардов, Виз. Я тебя прошу.

Чтобы Келус Просил? Что-то новенькое.

Визерус подобрал с пола свои ставшие неэлегантными очки и надел их. Мир снова приобрёл чёткие очертания сквозь полуразбитые линзы.

И почему ни одна магия не позволяет поправить себе зрение?

— Не так давно я искал наши с тобой старые записи, — глухо начал ректор. — И наткнулся на осколок Вместилища, который сохранил. Я снова услышал от него «Здравствуй, Создатель». Но впервые он поздоровался со мной таким образом ещё очень-очень давно.

— Аккурат после Чумы? — предположил Стронгдор.

— Именно тогда. Как раз после твоих попыток создать его.

— Я помню, — горько сказал Келус. — Помню, почему вообще полёз в это всё. Слишком многих я потерял из-за собственных ошибок.

— Потому что не смог обуздать созданную тобой же Чёрную Смерть? — предположил Астор.

— Ты прав, мой друг, — вздохнул маг, почёсывая серебряную бороду. — Она брала всех без разбора и не слушалась. Вообще никого и ничего, ни одна магия не срабатывала. Вечно голодная, жрала всех, кто попадался на пути. Так я потерял отца и сестру. Отчаявшись, я решил обмануть Стража и создать сосуд, чтобы уберечь тех, кто ещё был со мной, но уже заболел. — Стронгдор тяжело вздохнул. — Мне пришлось убить собственную мать и сестру, которые уже были поражены хворью, и заточить их души во Вместилище. И лишь голубиное перо способно удержать душу от поглощения

По морщинистой щеке чародея побежала крупная слеза, запутавшись в серебристой щетине.

— Это очень грустно, — констатировал Коден. — Уверяю тебя, мы бы поступили точно так же.

— Я верю, — едва заметно улыбнулся Келус. — И всё же, чтобы совсем не потерять связь с родными и близкими, мне пришлось пойти на этот шаг. Я чудовище. Самое настоящее.

— Ты защищал Цикл, защищал человечество, — поспорил Доллен. — Не вини себя.

— А я буду, до самой смерти буду себя обвинять, — вторая слеза побежала по тому же пути, — господин Рэндел был прав, назвав меня монстром.

— Ты создал самый сильный Артефакт со времён Мерлина, приятель, — Визерус встал и похлопал Стронгдора по плечу, — такое под силу далеко не каждому. Вопрос сейчас не в этом. Знаешь, почему он назвал меня «Создателем»?

— Потому что я тогда спас тебя, влив свою кровь?

Ректор постучал Келуса по лбу костяшками пальцев.

— Дырявая голова. Это было в Великую Войну. Ты создал Посох раньше, в самый разгар Чумы.

— Ты хочешь сказать, — на лице чародея был замечен явственный мыслительный процесс, — что

— Кел, он смотрел в будущее. Он знал, что мы породнимся. Он видит во мне — тебя. Ты понимаешь, что это значит?

— Учитывая твоё и моё прошлое — да.

Стронгдор задумался.

Знает ли Визерус про Разделение Души?

Знает ли он, что в нём — часть Келуса?

Знает ли он, к чему именно это всё приведёт?

Ещё и Посох почему-то видел то, что произойдёт.

Интересно, почему?

Казалось, у МакТирни был свой какой-то план.

Но против Правдоруба не пойдешь. Соврёшь — и твоё тело разорвёт на куски от жуткой боли.

Надо добавить.

Чтобы убедиться, что Виз всё ещё с ним.

— Чёрт с ним, с Посохом, разберёмся потом. Надеюсь, у всех есть перья-талисманы. — Чародеи, как один, показали надетые на тонкие, незаметные цепочки кулоны — залитые эпоксидной смолой голубиные пёрышки. — О чём вы говорили с Рональдом?

— Он пришёл ко мне как раз тогда, когда я нашёл наши старые записи, Кел. Как знал. Возможно, это меня и спасло. Он Силён. Крайне силён. Вещал про то, что ему нужны сильные союзники. Я подыграл ему, — эта фраза далась Визерусу с трудом, он чувствовал, как Правдуруб словно дёргает за ниточки в его голове, не давая соврать, — и сделал вид, что встаю на его сторону. Пришлось поделиться с ним и манускриптами.

На лице Стронгдора читалось облегчение.

— Там разве было что-то важное?

— Шутишь? Там зашифрован ключ к Первородной ма-

гии!

— Копий у тебя, конечно же, не осталось?

— Конечно же, нет.

— Мне кажется, он оставил меня в живых только для того, чтобы я тебе всё рассказал, Кел.

— Он знает про то, кем ты был?

— Кажется, знает.

Стронгдор завёл руки за спину и прошёлся по подвалу, который окутала тишина, изредка прорезаемая треском факелов.

Рональд перешёл Рубикон.

Совсем скоро он овладеет Первородной магией.

Той, которая не покорила ни Келусу, ни Визерусу — потому что они отказались от своего предназначения.

Бэрри же, наоборот, сделал себя идеальным сосудом для Силы.

Первый за семь веков.

С Посохом Душ в охапку.

Это конец. Крах Плана был неминуем.

Старый маг оглядел своих соратников. Коден смотрел в пустоту, Астор почёсывал полулысую голову, Доллен глядел прямо на повязку, закрывающую пустую глазницу. Визерус же прятал свои карие глаза, что-то выискивая в кармане своей наполовину грязной мантии.

Дряхлые, бесполезные, самодовольные.

Когда-то бывшие ему настоящими братьями — но расте-

рванные хватку.

Это всё можно было предотвратить.

Если бы не Сьюзен, убедившая его спрятаться, потому что его смерть разрушит их План

Вот к чему стремится Рональд. Обрести такую мощь, чтобы в пух и прах разметать его при встрече. Вот для чего ему эти знания.

В голове Келуса возник образ весов, где одна чаша начала перевешивать вторую.

— Виз, скажи мне, ты отдал ему второй Осколок?

МакТирни подумал, прежде чем отвечать. Правдоруб, хоть и слабеет, но всё ещё был в состоянии за долю секунды уничтожить его мозг.

— Нет.

— А где он?

— Я успел его уничтожить. — Глаза Визеруса стали влажными. — Моя любовь, моя Корнелия, моя единственная дочь Я навсегда потерял её.

— Сожалею, — ответил Келус без тени сочувствия. — А шрам?

Ректор вздохнул.

— Он врезал по мне, чтобы я знал, что он не шутит. И чтобы взять несколько капель моей крови.

— Но в нём и так течёт твоя кровь!

— Я думаю, он узнал, что ты тогда провёл Ритуал и спас меня

— Ты сам сказал?

— Нет.

— Если бы не Правдоруб, — тихо сказал Стронгдор, — поверь мне, я бы считал, что всё, что ты говоришь — пустая брехня. И сделал бы то же, что и тогда, но уже не пощадил бы тебя.

Хитёр, сребробородый лис.

Никак не успокоится.

Впрочем, Визерус мог его понять. Кому сейчас можно доверять?

— Успокойся, старина, — примирительно сказал он. — Да, я Помогал Ронни. Не скрываю. Но я не знал его истинных планов.

— Как и Сюзен. Она тоже не знала, но помогала ему. Видел бы ты её лицо, когда я показал ей свои воспоминания.

— Что будем делать теперь? — спросил Доллен, почувствовав, как боль в пояснице потихоньку слабеет.

Стронгдор помолчал, прежде чем ответить.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.